

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

**РЕЛИКТ:
ДЕТИ ВЕЧНОСТИ**

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Реликт

Василий Головачев

Дети Вечности

«ЭКСМО»

1999

Головачев В. В.

Дети Вечности / В. В. Головачев — «Эксмо», 1999 — (Реликт)

ISBN 5-699-04819-7

«Дети вечности» – четвертая книга остросюжетного фантастического романа-эпопеи «Реликт» в шести книгах, который показывает развернутую панораму жизни человечества в двадцать втором – двадцать четвертом веках. Начинается роман встречей землян с реликтовой формой жизни в космосе, спора которой сохранилась со времени рождения Вселенной, а заканчивается грандиозным противостоянием разумных Вселенных, в котором люди пытаются отстоять свое право на жизнь. Это роман о мужестве и бесстрашии, просчетах и ошибках людей, об их любви и ненависти, безумии и надежде. Это роман, воспевающий жизнь во всех ее проявлениях, о воспитании человека в экстремальных условиях, об отношениях людей с космосом и с теми, кто его населяет. Это роман приключений, полный активного действия и философских размышлений о смысле жизни, отрицающий равнодушие к последствиям любого шага человека.

ISBN 5-699-04819-7

© Головачев В. В., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Часть первая	5
БЕЗ ОСОБЫХ ТРЕВОГ	5
СМЕРТЬ ЧУЖАНИНА	17
ЗАПРЕДЕЛЬЕ	27
ДОРОГА К ДОМУ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий ГОЛОВАЧЕВ

РЕЛИКТ. Книга IV

ДЕТИ ВЕЧНОСТИ

Часть первая

СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ. РАТИБОР

БЕЗ ОСОБЫХ ТРЕВОГ

Было видно, что Ратибор бежит с трудом, из последних сил, и лицо у него не бледное, как показалось Насте вначале, а голубое, с металлическим оттенком. Но больше всего поражал, отвращал и вселял ужас его третий глаз на лбу, словно освещенный изнутри огнем, наполненный страданием и не выразимой никакими словами мольбой.

Споткнувшись, Ратибор упал, а догонявший его чужанин, похожий на кристаллический обломок скалы, навис над ним и стал расти в высоту, подняв над упавшим чудовищные волосатые лапы.

– Стой! – крикнула Настя, поднимая «универсал». – Назад или стреляю!

– Попробуй! – захохотал чужанин голосом Железовского так, что эхо ударило со всех сторон.

В отчаянии Настя надавила на спуск, но пистолет изогнулся как живой, выдавил из себя жидкую струйку пламени, зазвонил и начал таять восковыми слезами...

Настя вскинулась, обводя бессмысленным взором обстановку спальни, уютный «медвежий угол», и со стоном опустилась на кровать, унимая расходившееся сердце. Всплыли в памяти строки:

И было там все это чуждо,
Но так упоительно ново,
Что вы поспешили...
Проснуться,
Боясь пробужденья иного...¹

Поэт почти угадал, разве что эпитет «упоительно» не совсем точен. Хоть не ложись спать!..

В прихожей мягко позвонил дверной сторож.

Настя снова вскочила, в одном пеньюаре выпорхнула в гостиную, но прислушалась к себе и, ссутулившись, вернулась в спальню. Накинула халат, вытерла лицо губкой, глянула на часы: почти двенадцать ночи. Господи, кто там в такой час?

Звонок раздался в третий раз. Тогда она приказала двери открыться. На пороге стоял улыбающийся Коста с огромным букетом гладиолусов.

– Гостей принимаешь?

---

¹ Северянин И. Ноктюри.

Настя зябко поежилась, кутаясь в халат, посторонилась.

– Проходи.

Гость сунул ей букет.

– Что у тебя за вид, словно ты спала? Или замерзла? Согреем. – Коста засмеялся, на ходу наклонился, пытаясь поцеловать хозяйку, но та отстранилась.

– Не надо, Косточка. – Голос был тих и тускл, и Настя заставила себя выглядеть такой, какой ее знали в институте. – Садись, но не повторяй весь свой ежедневный репертуар, ладно?

Настя поставила цветы в старинную керамическую вазу, налила воды, посмотрела на цветы и вздохнула. Потом вернулась к гостю.

– Я тебя слушаю.

Коста сел с размаху в кресло, внимательно посмотрел на девушку, улыбка сбежала с его губ.

– Похоже, мне здесь не рады. А вчера кто-то приглашал меня к себе, обещал неземные блага. Или то была минута слабости?

Перед глазами Насти возник колеблющийся образ двух целующихся фигур, потом сверкнула вспышка, одна из фигур исчезла.

Настя кивнула.

– Ты все хорошо понимаешь, Косточка, спасибо тебе за вчерашнее, вообще за сочувствие, ты мне здорово помог... – Она остановилась, потому что гость покачал головой, лицо его на мгновение заострилось и стало злым.

– Сочувствие? Вчера речь ни о каком сочувствии не шла, насколько помнится. Речь шла о другом, о тебе и обо мне, и я понял, что ты наконец заметила...

Настя покачала головой, в свою очередь разглядывая лицо гостя, подвижное, красивое, самоуверенное, с энергичной складкой губ, лицо человека, всегда добивающегося своей цели. Эфналитик Коста Сахангирей, всесторонний художник, работа с инком в режиме «один на один» для него – конек и средство самовыражения. Его выводы всегда полны красок и тонов. Что ни задача – то произведение искусства, своя «симфония». Отличается кипучей активностью и уверенностью в своих силах. Руководитель лаборатории эфнализа ИВК, в которой работала и Анастасия. Человек без комплексов, не без оснований претендующий на исключительность. И, наконец, интрасенс.

– Не понимаю, – сказал он, пожав плечами. – Я же не мальчик, Настя. Вчера мы, кажется, все обсудили, и я, как джентльмен, остановил развитие событий, хотя мог бы просто воспользоваться случаем. В чем дело, что изменилось?

– Спасибо тебе, – улыбнулась Настя невольно, – за то, что ты джентльмен и вообще хороший парень. Вчера мне было очень плохо, я даже не все помню, что со мной было, но сегодня... нет-нет, изменений особых не произошло, и все же мы отложим разговор до лучших времен. Не обижайся, Косточка, ладно? Хочешь шампанского?

Коста нахмурился.

– Честно говоря, не думал, что ты меня так... встретишь. До сих пор мне казалось, что ты живешь без предрассудков, раскованно и свободно. Или я ошибся? А может быть, кто-то из твоих паритет-повелителей заявил окончательные права? Кто же? Грехов или Берестов?

Кровь отлила у Насти от щек, губы онемели.

Коста криво улыбнулся, вскочил и попытался обнять ее за плечи, заглянуть в глаза, но не смог: ноги словно налились свинцом, приросли к полу, а на плечи навалилась тяжесть будто при ускорении. Ощущения тут же прошли, Коста опомнился, он мог бы ответить тем же, сил хватило, однако удержался.

– Тебе лучше уйти, – прошептала Настя.

– Извини, – сказал он. – Просто я не привык, чтобы меня как мальчишку... вот и вырвалось. Но долго жить так... раздвоенно ты не сможешь, и я приду. Позже. Все равно будет так, как я... – он хотел сказать «хочу», но передумал, – как я рассчитал. До встречи.

Ушел.

Настя присела на краешек тахты и, ссутулившись, просидела в таком положении несколько минут, пока раздавшийся в прихожей новый звонок не заставил ее вздрогнуть.

Подождала немного, подумала почти спокойно: если опять Коста, спущу его с лестницы. Но это был не Сахангирей. Перед Настей стоял незнакомый молодой человек с лицом скуластым и добродушным, хотя складка губ на нем была жесткой и твердой, выдающей характер волевой и сильный. Серые внимательные глаза смотрели прямо и открыто, и мерцала в них уверенная сила и хитроватая (мужицкая, подумалось Насте, искони деревенская) мудрость.

На госте была просторная серая рубашка, не скрывающая могучего телосложения, свободного покроя брюки и мокасины известной фирмы «Маленький Мук».

– Вы ко мне? – растерялась Настя.

– Извините за визит в столь поздний час. – Гость виновато развел руками. – Вас трудно застать днем. Меня зовут Егор, я друг Ратибора.

Настя почувствовала слабость в ногах и противную сосущую холодную пустоту в груди. Очнулась от прикосновения к спине: ее поддерживала горячая сильная рука гостя.

– Извините, – проговорила она, сделав глубокий вдох, выпрямилась и отвела руку. – Не подумайте, будто я настолько слаба, что не могу справиться с собой... Проходите.

– Спасибо. – Молодой человек, обдав хозяйку волной воздуха с запахом сена и моря, прошел в гостиную, ступая бесшумно и мягко, несмотря на рост и вес; точно так же ходил и Ратибор. И сел он в предложенное кресло осторожно и бесшумно. Настя устроилась напротив, стиснула кулаки, пряча их в рукавах халата.

– Слушаю вас.

Гость покачал головой, с откровенным любопытством разглядывая ее. Настя поймала себя на досадном чувстве: она никак не могла нащупать эмоциональной и мысленной сферы Егора. Попыталась сосредоточиться, но у нее ничего не вышло.

– Это я вас слушаю, – сказал он, удовлетворившись осмотром. – Ратибор сказал, чтобы я зашел к вам, если с ним что-нибудь... вот я и зашел. Могу я чем-нибудь помочь?

Настя расслабилась, откинулась в кресле, улыбнулась сквозь набежавшие слезы.

– Господи, а я подумала... Ратибор говорил мне о вас, я вспомнила, только не совсем представляла, какой вы.

– И какой же?

Она снова улыбнулась.

– Вы на него похожи. Хотите кофе?

– Хочу, – серьезно кивнул он.

Настя выпорхнула из кресла, удивленная и обрадованная.

– Подождите минуту. Если хотите, включайте видео, там есть хорошие кассеты, выберите. Или полистайте альбомы, второй ряд кристаллотеки.

Когда она вернулась из кухни с подносом, гость сидел с кассетой стереофотографий на коленях. Ткнул пальцем в одну из фотографий:

– Ваша мать?

Настя поставила поднос, наклонилась над плечом Егора, с интересом посмотрела на его сосредоточенное лицо.

– Вы проникательны, это моя мама. Еще никто из моих знакомых не угадал, кто это, все считают – я. Пейте. Это пироги с вязигой, готовила сама. Я вообще неплохой кулинар.

Егор кивнул, беря пирог и чашку с кофе.

– Ратибор мне говорил.

Они пили кофе и болтали о «вертикальном» туризме, психоекологии, балете «саундай» и о всяких пустяках, и Настя с удивлением прислушалась к себе, чувствуя, как глухая стена тоски и боли, выросшая в душе и отделившая ее от остального мира после ухода Ратибора, вдруг стала трескаться и разрушаться.

Егор оказался серьезным собеседником, любившим и умевшим не только говорить, но и слушать. Чувствовалось, что у него по каждому затронутому вопросу есть своя собственная точка зрения, каковую он и отстаивал аргументированно и с достаточной уверенностью. Он был серьезен, обстоятелен и уравновешен в той мере, которая почти всегда нравится женщинам в возрасте, называющим таких мужчин одним словом «хозяин», и Настя невольно улыбнулась, отвечая своим мыслям, хотя через минуту всю веселость ее как рукой сняло: какой-то неуловимый жест Егора внезапно живо напомнил ей Берестова.

– Расскажите, что с ним случилось. – Гость чутко реагировал на эмоции хозяйки и точно знал, когда и какие вопросы можно задавать. Такая его пронизательность, в общем-то, контрастировала с внешне простоватым видом, Настя отметила это машинально, однако ее в данный момент занимало другое. Сначала запинаясь, потом на одном дыхании, она пересказала Егору всю историю своих отношений с Ратибором и, закончив рассказ на слове «ушел», замолчала, вдруг всхлипнув по-бабьи.

– Понятно, – сказал Егор, задумчиво потирая переносицу пальцем. – Значит, Конструктор вылупился, а послы остались внутри?

– Еще неизвестно, вылупился ли он вообще, ученые не могут разобраться. Канал БВ сжимается, а на месте «пули» возникла зона странных эффектов, область гипергеометрии, как ее называют, продолжающая мчаться в прежнем направлении, и ничего похожего на того Прожорливого Младенца, съевшего половину Марса сто лет назад.

– Тогда не все еще потеряно. Я думал, вы точно знаете, что Ратибор... м-м... погиб, а оказывается, ничего не известно.

– Габриэль сказал... – голос у Насти сорвался, и она закончила шепотом, – что у Ратибора один шанс из миллиарда...

– Габриэль – это Грехов? А разве он не может ошибаться, как и любой другой человек?

– Он – нет. – Настя глубоко вздохнула, вытерла щеку и виновато улыбнулась. – Хотя я очень надеюсь, что он ошибается.

Егор кивнул, не теряя невозмутимости, лишь в серых глазах его промелькнула едва заметная тень озабоченности.

– Он вернется, Настя, поверьте, Ратибор не такой человек, чтобы погибнуть за здорово живешь.

– Правда? – жадно спросила она, тут же сдерживая порыв.

– Правда, – твердо сказал он, потом встал и протянул руку. – До связи, Анастасия, мой телекс у вас есть, звоните, если понадобится, особенно если срочно. В свою очередь, не сердитесь, если позвоню в неурочное время, характер моей работы не позволяет мне владеть свободным временем по своему усмотрению.

– А где вы работаете?

– В одном из детских учебных городков Крайнего Севера, простым учителем.

– «Простым», – невольно фыркнула Настя, провожая Егора. – Будто я не знаю, насколько сложна эта работа. Спасибо за визит. Честно говоря, я захандрила, и вы меня вытащили из болота хандры вовремя. Буду рада новому визиту.

– Доброй ночи, Анастасия.

– Зовите меня Настя или Стася, хорошо?

– Идет. А вы меня Горка или Егорша, так меня мама в детстве называла.

Настя засмеялась, чувствуя удивительное облегчение и желание что-то сделать. Спыхватилась:

– Как же я вас найду? У меня нет вашего номера.

Егор оглянулся.

– Уже есть, спросите «домового».

Настя растерянно посмотрела в его умные глаза с блесками иронии, позвала, смутившись:

– Панса, дай мне телекс Егора... э-э?

– Малыгина, – подсказал Егор. – Хорошая память.

– Так вы... интрасенс? – догадалась наконец Настя, припомнив свои мелкие удивления по ходу знакомства, сложившиеся в цепь умозаключения.

– Я шаман первого сука, – серьезно ответил Егор. – По древним легендам шаманского культа, сложенного некогда эвенками и якутами, души будущих шаманов воспитываются в гнездах на суках «мирового дерева», так вот я – шаман из гнезда первого сука. Доброй ночи, Настя.

– Доброй ночи, – ответила Настя и добавила, улыбнувшись, когда он ушел: – Егорша...

Побродила по комнатам, мысленным усилием меняя освещение, пока не остановилась посреди гостиной с ощущением какого-то внутреннего неудобства. Ощущение длилось недолго, но она уже поняла, что это такое – Габриэль давал знать о себе, посылая пси-волну с только ему присущими характеристиками. Понимая ее чувства, может быть, лучше, чем сама Настя, он не тревожил ее звонками и не добивался встреч, но всегда давал понять, что не выпускает ее из поля зрения и может оказаться рядом в любой момент.

Вздохнув, Настя сняла халат, критически оглядела себя в зеркале, отмечая появление новых черточек в облике, с удовольствием расправила пеньюар – она любила красивые вещи, – и тут раздался третий за этот поздний вечер звонок. Сердце подскочило и провалилось вниз, кровь отлила от щек, первой мыслью Насти было – Ратибор! Потом вернулась мудрая и тоскливая способность трезвой оценки: Ратибор вошел бы без звонка, и Настя открыла дверь, не пытаясь вычислить, кто стоит за ней.

– Я не слишком поздно? – спросила Забава Боянова, с интересом разглядывая хозяйку, забывшую накинуть халат.

Настя опомнилась, невольно краснея под этим взглядом.

– У меня сегодня вечер гостей, – сказала она, отступая в гостиную. – Извините, Забава. Не думала, что это вы.

Боянова улынулась.

– Я это поняла. А кто был? – Она прошла вслед за хозяйкой, принохаясь. – Фу-фу, русским духом пахнет! Уж не Иванушка ли дурачок заходил? Помнишь сказки про Бабу-ягу?

– Помню. – Настя улынулась, внутренне собираясь. Боянова была интрасенсом «большой силы», Насте не хотелось, чтобы она видела ее состояние и внутренний дискомфорт. – Только на Бабу-ягу вы мало похожи. Были у меня двое добрых молодцев, нашедших свободную минуту, чтобы проявить сочувствие и милосердие.

– Ага, вижу, ты в этом не очень-то нуждаешься. Что ж, люблю сильных женщин. Как и сильных мужчин. Я не займу у тебя много времени, у меня самой его нет, но кое-что интересное сообщу, не возражаешь?

Настя не возражала. Они сели и некоторое время присматривались друг к другу, согласовывая психоэмоциональные связи.

Боянова была одета в удивительное, черное как ночь, играющее звездными огнями платье, скрывающее и одновременно подчеркивающее фигуру, и хотя Настя тоже знала секреты, как в зрелые годы сохранить красоту и молодость, тем не менее и она с невольным восхищением отметила умение женщины держать себя в форме и быть естественной всегда и со всеми.

Забава едва заметно усмехнулась.

– Ты тоже не обделена природой, красна девица, от друзей отбоя нет, так что не печалься. Как долго я тебя не видела? Два месяца? И все это время ты просидела в затворничестве? – Боянова осуждающе покачала головой. – Уходить в саньясу² в твои годы рано, погоревала и хватит, досыть, как говаривала моя бабуля, впереди. Да и не все ясно с послами, может быть, они и не погибли.

Настя обхватила руками плечи, уголки губ ее грустно опустились, придав лицу неповторимый колорит Феи печали.

– Не надо, Забава, ни утешений, ни надежд, Ратибор не вернется, я знаю.

Боянова нахмурилась, в ее облике вдруг проглянула натура властная и решительная, как нестираемая печать должности председателя СЭКОНа.

– Это тебе твой Грехов навешал? А сама ты разве не знаешь, что будущее подчиняется вероятностному закону? Разве рассчитанные тобой футурграммы всегда сходятся с абсолютной точностью? Допускаю, что Грехов способен видеть глобальные изменения временного ствола и даже отдельные крупные ветви, но не все же веточки и листочки. Не знаю почему, но я уверена, что Берестов выкарабкается.

Настя снова покачала головой, отвечая скорее себе, чем гостье. Потом с усилием преодолела готовые вырваться возражения.

– Спасибо, Забава. Вы не первая, кто верит в его возвращение, но никто из вас не знает пределов знания Габриэля. Не беспокойтесь, я возьму себя в руки... уже взяла. Завтра выхожу на работу. В последнее время я действительно не следила за событиями и совершенно отстала от жизни. В самом деле много новостей?

– Главная новость, что Конструктор, каким мы его провожали сто с лишним лет назад, не вышел из канала БВ. Вернее, вышел наполовину, а может быть, трансформировался до неузнаваемости. Канал БВ за ним практически стянулся в «струну», но не исчез, и физики предполагают, что эта «пуповина» продолжает связывать зернистый кокон Конструктора со вселенной, откуда он пробивался к нам. Отсюда и все эти дикие эффекты с «булгаковской метрикой», «плывущей топологией», многомерным пространством, появлением странных частиц вроде предсказанных теорией монополей и «голых» кварков, с «конвульсиями вакуума». А ведь кокон, объем которого равен объему доброго десятка звезд, продолжает двигаться к Солнцу, правда, уже со скоростью, близкой к световой.

– Выходит, Т-конус больше не понадобится?

– Кто знает? Свою миссию он таки выполнил – вывел «тень» впереди Конструктора за пределы Рукава, но если иксоид – как называют появившийся объект специалисты – будет двигаться в том же направлении и с прежним темпом, он достигнет Т-конуса через полгода. Так что безопасность и погранслужба продолжают сидеть на «джогере». Нечто подобное Конструктору, только в меньшем масштабе, осталось и от звезды ню Гиппарха – то же многомерие, гипергеометрия и тому подобное. Кое-кто из нетривиалов даже предполагает, что это отколовшийся «кусочек» Конструктора.

– А сам он молчит?

– Что можно понять в той каше излучений, которой окутан иксоид? Во всяком случае, дешифровке излучение не поддается. Оптимисты утверждают, что Конструктор зализывает раны, но я не люблю дежурного оптимизма... как и пессимизма, впрочем. Кстати, твой Грехов придерживается того же мнения – о «зализывании ран».

Настя прищурилась, откидывая голову, но Забава не вкладывала особого смысла в слово «твой».

– Железовскому не хватает эфаналитиков, хорошо знающих историю Конструктора и его особенности, – продолжала Боянова. – Поэтому выходи, девочка, он ждет. Проблем накопи-

---

² Саньяса – стадия полного отречения от материальной жизни.

лось много: «серые люди», чужане со своими комплексами поведения, разработка новых штатных режимов, прогноз последствий «экстремума» – если дойдет до его включения, сфинктура³ иксоида, нацеливание Т-конуса и черт знает что еще! Короче, тебе вместе с профи безопасности придется тянуть весь воз МАВРа⁴.

Настя вздохнула, виновато посмотрела на гостью в ответ на ее острый оценивающий взгляд.

– Я... – небольшая заминка, – готова.

– Ну и прекрасно. – Забава легко, словно девочка, выпорхнула из кресла, потянулась всем телом, поправила прическу, искоса посмотрела на вставшую хозяйку. – Ну и как, я еще ничего выгляжу?

Настя по-мужски показала большой палец.

Боянова засмеялась, чмокнула ее в щеку и, пожелав доброй ночи, исчезла, словно растворилась в воздухе, только тихо зашипела закрывшаяся дверь.

Впервые за время, прошедшее с момента появления Конструктора, вернее, иксоида, Настя уснула сразу, как только щека ее коснулась подушки. Шел второй час ночи девятого ноября...

Железовский движением брови указал на стул, и Забава со вздохом облегчения села рядом.

– Набегалась!

Она все еще была одета в свое неотразимое платье, и человек-гора с видимым усилием пытался сообразить, что бы это значило.

– А ничего, – ответила Забава вслух, а не мысленно, как обычно, когда у нее было хорошее настроение. – Я была у Насти Демидовой, передала ей эмоциональный заряд, хандрит девка. Пообещала завтра выйти в свет, подключи ее к МАВРу, специалист она неплохой.

– Специалистов ее класса у меня хватает.

– Не надо оставлять ее наедине с собой надолго. Ты знаешь ее историю?

– Нет.

– Она влюбилась в Берестова девочкой, когда увидела его в «Чернаве» во время бунта монстрозавра. А потом Грехов проговорился ей, что Берестов погибнет. Она стала высчитывать критические точки его судьбы и заставлять Габриэля, чтобы он предупреждал Берестова... в общем, странное сплетение судеб. А сейчас она ждет своего Ратибора, хотя уверена в его гибели... Понимаешь?

– Понимаю. – Железовский помолчал и продекламировал:

Любовь, любовь – безбрежный океан.

Любовь, что смерть, не знает легких ран⁵.

Боянова внимательно посмотрела на комиссара. Тот не шевельнулся.

– Ты тоже считаешь, что он погиб?

– Не знаю. Грехов выразился иначе: пропал без вести, и он о Берестове ничего не знает. А по-моему, знает, но не хочет говорить. Кстати, Настя прекрасно осведомлена об истории

---

³ Сфинктура – степень загадочности объекта, качественные характеристики его таинственности.

⁴ МАВР – многоцелевой анализ вариаций решения.

⁵ Г. Мелвилл.

Конструктора, а во-вторых, не надо забывать, что Грехов – ее друг. А этот человек загадочен не менее, чем сам Конструктор.

– Не преувеличивай.

– Ты прекрасно понимаешь, что я не преувеличиваю. Проскопией ⁶ такой глубины, как у него, не владеет ни один интрасенс, в том числе и мы с тобой. Не знаю, как ты, но я чую в нем такую бездну непроявленных качеств, что захватывает дух. Помяни мое слово, Грехов еще не раз преподнесет нам сюрприз, и дай бог, чтобы он был на нашей стороне.

Железовский угрюмо промолчал. Боянова оглядела его неподвижное лицо, обратив внимание на глубокие складки у губ, заглянула в глаза.

– Устал?

– Нет, – ответил он спустя минуту.

– Есть новости?

– Для физиков – да, для нас... не знаю. Термин «К-физика» все больше входит в моду, и мы все больше убеждаемся в том, что Вакула был прав: это физика иных материй, физика чужих вселенных. Савич высказал мнение, что Конструктор не смог просочиться к нам чисто и впустил в нашу Вселенную «воздух» чужого пространства, вернее, не воздух, конечно, а вакуум, отсюда и эти невообразимые эффекты.

– Это не главное, – тихо проговорила женщина.

– Что? Почему? – не понял Железовский.

– Потому что для нас с тобой главными остаются социально-экологические аспекты проблемы, а через полгода, даже раньше, снова придется решать этическое уравнение – Конструктор или мы.

Комиссар долго не отвечал, застыв холодной глыбой камня, хотя Забава все время ощущала «тепло» его мысли – он думал о ней, и ток эмоций был живым, пронизанным волнами нежности, ласки и тоскливого ожидания.

– А если не свернет или остановится, не дойдя до Т-конуса?

– Остановка проблему не решает, ты же знаешь. – Зато отменит уравнение выбора.

– Не знаю, мне кажется, не отменит, а просто оттянет на время, потому что никто и ничто не запретит Конструктору продолжить путь к Солнцу. Ладно, оставим этот спор, Аристарх, выкладывай, что тебя тревожит конкретно.

Железовский изменил позу, все они были у него «скульптурными», словно отлитыми из металла или камня, и стал похож на «изваяние отдыхающего Геракла». Забава усмехнулась пришедшему на ум сравнению, и Аристарх усмехнулся в ответ – он поймал ее мысль.

– «Джоггер» съедает много нервной энергии у людей, и это меня беспокоит в первую очередь, потому что недалеко то время, когда снова придется включить высшие формы тревоги, а резервы отдела небесконечны. И отменить «джоггер» я не могу, К-мигранты остаются реальной силой и несут реальную угрозу команде Т-конуса, да и отряду исследователей.

– Вы до сих пор их не вычислили?

– Нет, – проговорил Железовский с отвращением. – На Земле их нет, да и вообще в Системе, но я чувствую, что они все время рядом и следят за событиями, возможностей для этого у них хватает. Большинство «серых людей» мы выловили, их программы были строго конкретными – уничтожить Т-конус, так что особой опасности для людей они не представляют, но все же мы их изолировали.

– Мне все еще не дает покоя вопрос: почему один из них предупредил Берестова, когда тот решился на встречу с посланцем К-мигрантов? Кто заставил «серого» действовать именно таким образом, кто дал ему информацию и впихнул в «голем»? Ведь это же, по сути, прямая утечка сведений из стана К-мигрантов.

---

⁶ Проскопия – дар предвидения.

– Меня тоже мучит этот вопрос. Судя по виду «серого», его бегству предшествовала хорошая драка, он был буквально изрезан и держался только на жестком приказе. Оживить его не удалось, ментоскопировать тоже – память его практически пуста. По-видимому, мы так и не узнаем, кто его запустил.

– Но ведь кто-то же его все-таки заставил. Может быть, этот «кто-то» еще даст о себе знать?

Железовский шевельнул плечом и, видимо, мысленно приказал «домовому» включить оптическую плотность стен комнаты: одна из них стала прозрачной и впустила в гостиную ночное небо с перевернутым вниз головой серпом Луны.

Вот сидим мы с тобой на мху
Посреди болот,
Третий – месяц наверху –
Искавил свой рот, –

нараспев прочитала Забава.

– Мне больше нравится финал, – проворчал Аристарх:

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы – забытые следы
Чьей-то глубины⁷.

Боянова улыбнулась:

– Это намек? Впрочем, может быть, Александр Блок был прав и мы с тобой действительно забытые следы чьей-то глубины. Ведь интрасенсами люди становятся из-за того, что начинают срабатывать латентные, скрытые гены, «следы» прежней человеческой глубины.

– Я имел в виду не нас, а К-мигрантов, они – «следы» Конструктора... как и «серые люди».

– А чьи тогда «следы» – чужане? Неужели тоже Конструктора? Вернее, его родичей? – Забава зябко вздрогнула, ладонями потеряла локти.

– Холодно? – встревожился Железовский. – Я-то привык. Сейчас будет тепло. Хочешь кофе? Собственный рецепт – с жареными орехами. Или ты, как обычно, торопишься?

Боянова покачала головой, разглядывая хозяина с каким-то странным вниманием.

– Не тороплюсь, но...

– Я вызову патруль.

– Не надо, Аристарх, я останусь. До утра. Не возражаешь?

Долго-долго, несколько минут Железовский с мучительными сомнениями изучал лицо Забавы, пока не понял, что она не шутит. Медленно встал, приблизился к женщине, опустился у кресла на колени и почувствовал, как горячие пальцы Забавы бережно коснулись его затылка, взъерошили жесткие волосы, горячие ладони обожгли плечи и прижали голову к ее груди...

---

⁷ Блок А. Болотные чертеняки.

Все поле зрения было забито метелью мигающих разноцветных огней: красные габаритные принадлежали исследовательским шлюпам, оранжевые – аварийным маякам, ограждающим опасную зону, желтые предупреждающие – патрульным «пакмакам» погранслужбы и зеленые с фиолетовым – базовым «гиппо» и фоновым станциям, имеющим собственные метро. Вблизи эту световую круговерть нельзя назвать упорядоченной, но издали становилось заметным основное движение «метели» – она спирально обвивала гигантский сгусток плотной вселенской тьмы, мчавшейся поперек Галактики едва ли не со скоростью света.

Изредка в недрах этого сгустка, внутри которого свободно могло уместиться Солнце с планетами вплоть до орбиты Венеры, возникали вдруг гигантские причудливые всполохи света, напоминавшие полярные сияния Земли, и тогда пространство вокруг иксоида начинало «шататься», скручиваться и вибрировать, заставляя следовавшую по пятам мошкарку земных машин разлетаться в разные стороны, отставать, бежать прочь. И лишь два или три «мотылька» из всей стаи как ни в чем не бывало продолжали бег рядом с Конструктором, упакованным в кокон иного континуума, не обращая внимания на судороги вакуума и прочие жутковатые эффекты; то были чужанские корабли.

Грехов навел видеокамеры драккара на один из «мотыльков» и дал интегральное увеличение. «Мотылек» ринулся навстречу, разросся, последовательно превращаясь в «воробья», «орла», «слона» и наконец в гороподобное страшилище размером в два километра – помесь черепахи, клубка змей и мухомора с дырчатой бахромой. Ничего похожего на искусственное сооружение, имеющее определенную функционально геометрическую форму, позволяющую передвигаться в космосе с возможно большей скоростью.

Габриэль усмехнулся, поймав себя на мысли, что еще ни у кого ни разу при виде чужанских кораблей не возникало иных ассоциаций, кроме растительных. Наглядный пример подсознательного отражения истины при недостатке прямой информации. Вряд ли кто-нибудь из ученой братии догадывается, что такое на самом деле роиды, а также их «звездолеты».

– Предположения подтверждены, – прорезался в наушниках рации голос командира погранзаставы Демина. – Это скоростной когг класса «Серебряный дракон», именно такие были похищены с финской базы «Фиорд-III», идентификация полная.

– Откуда он появился, рассчитали?

– Для данного расположения всего парка подключенных машин возможен только один коридор входа в координационную карусель: вектор Гиппарх – Солнце.

– Значит, «Афанеор» может быть только возле омеги Гиппарха, недаром на бывшей звезде замолчал один из базовых «гиппо» – К-мигранты превратили его в опорный пункт.

Демин не ответил.

– Придумайте, как заманить его на спейсер, – продолжал Грехов. – Не хотелось бы начинать силовой захват в гуще машин, связав себя отсутствием свободы маневра. В отличие от нас, он не связан категориями этики и морали и начнет стрелять по любому объекту в пределах досягаемости, когда поймет, что раскрыт.

– А если там не один К-мигрант, а вся их команда?

– Один, – сказал Грехов равнодушно.

– Это интуиция или точные данные?

– Абсолютно точные.

– Гарантии?

– Моя жизнь, – отрезал Грехов, понимая чувства молодого пограничника. – Заманите его к себе, я буду рядом.

– Хорошо, полагаюсь на вас. Предлагаю смену режима с возвращением и заменой патрульных машин. Если он хочет попасть на спейсер, то не преминет воспользоваться предоставленной возможностью. Остальные варианты автоматически переходят в силовой контакт со всеми вытекающими последствиями. Простите... э-э... Габриэль. – Демин пытался подобрать

вежливую формулировку вопроса. – Вы уверены: «а» – что это К-мигрант, «б» – что он ищет способ «тихого» проникновения на Землю через наше метро и ничего больше?

– Я не могу без конца повторять одно и то же. – Грехов подумал и смягчил тон речи. – Вы же знаете, что все дальние метро Земли находятся под нашим контролем, а дел у К-мигрантов на планете хватает, нужна связь с теми, кто остался, нужна координация, постоянный обмен информацией, каналы снабжения...

– Все это я понимаю, – сухо сказал Демин. – Не понимаю, откуда вы знаете цели К-мигрантов. Однако поскольку времени на консультации у нас нет, я принимаю ответственность. Вы готовы?

Грехов понял: в данной ситуации лицом, отвечающим за последствия в подконтрольном районе во время постоянной тревоги по форме «джоггер», был сам Демин, а никак не проконсул Грехов, и надо было иметь немалое мужество, чтобы принимать решение на основании устного заявления стопятидесятилетнего старика.

– Начинайте. Через пять минут я буду на месте, только посмотрю за сменой.

Драккар, управляемый К-мигрантом, не обманул ничьих ожиданий и вслед за коггами смены выписал аккуратную траекторию к спейсеру «Перун», словно всегда принадлежал команде погранзаставы. Пилот драккара, покинув борт машины в эллинге крупнотоннажного транспорта и не встретив препятствий, неторопливо направился к отсеку метро, одетый в синий стандартный кокос погранслужбы. Грехов узнал его сразу, наблюдая за коридорами по видеомонитору.

Войдя в отсек метро, гость обнаружил только двух человек, возившихся с грудой контейнеров возле тележки-антиграва и не обращавших ни на кого внимания. Но стоило чужаку подойти к двери в старт-кабину метро, сзади раздался мягкий и тихий голос:

– Не торопитесь, маэстро.

Гость стремительно обернулся, в руке у него сам собой появился «универсал». Но и у людей в отсеке тоже в руках были пистолеты. Один из них – Грехов – шагнул вперед.

– Здравствуй, Эрнест, бывший спасатель. Я почему-то так и думал, что это будешь ты.

– Как ты узнал? – спокойно сказал Эрнест Гиро.

Грехов так же спокойно пожал плечами.

– Я знаю практически каждый ваш шаг, за вами наблюдают мои друзья. – Кто именно? – прищурился с иронией Гиро.

– Чужане. Спрячь оружие. Уйти отсюда на Землю тебе не удастся, а разговор с оружием в руках имеет несколько иной характер. К тому же в реакции я тебе не уступаю, а нас здесь двое.

– Второй не в счет.

– В счет, в счет, этот парень – интрасенс и специально тренирован.

Гость подумал и спрятал пистолет, причем выглядело это так, будто пистолет исчез из его ладони. «Универсал» Грехова «исчез» подобным же образом, а его напарник просто прицелкнул свое оружие к поясу.

– Зачем вы пытаетесь попасть на Землю, я знаю, – продолжал Габриэль. – Ответь мне всего на два вопроса, и ты свободен.

Гиро, безуспешно пытавшийся прозондировать пси-сферу собеседника, вытянул губы трубочкой, словно собирался плюнуть, в глазах его проступило недоверие.

– Ты меня отпустишь?

– Мне твоя жизнь не нужна, мы не враги, как вы себе внушили. Вопрос первый: кто убил Вакулу?

Гиро помедлил.

– А если я?

– Твое алиби я проверил, не уходи от ответа.

– Мэтьюз Купер.

– Зачем?

– Физик подсказал идею Т-конуса и начал реализацию формулы, мы надеялись остановить работу в этом направлении. – Оказывается, даже став сверхлюдьми, вы не в состоянии избежать ошибок, основанных на худших человеческих качествах: эгоизме, властолюбии, трусости и равнодушии. Понимаю, что решения вы принимаете коллегиально, однако прошу передать Куперу – я убью его. А также подумайте над предупреждением: каждый из вас, кто совершит убийство – из любых побуждений, будет уничтожен.

– Кем? – с пренебрежением спросил Гиро. – Оперативниками безопасности? Пограничниками? – Мной, – сказал Грехов. – Вспомните Батиевского. Он тоже был уверен в своем превосходстве. Черт возьми, когда же вы наконец сообразите, что мы могли бы жить мирно, соединив усилия для решения проблемы. Или будете продолжать войну до победного конца? Когда вас всех перебьют?

– Я могу идти?

– Дима, пропусти его.

Демин в «бумеранге» отступил в сторону, Гиро медленно направился к выходу из отсека, задержался на пороге, оглядываясь.

– Отбой прикрытие, – тихо сказал Демин в усик рации. – Клиента проводить до его машины без шума.

– Почему ты с ними, а не с нами? Ведь ты тоже обязан всем Конструктору.

Грехов хмуро усмехнулся, разглядывая Гиро с видимым сожалением.

– Неизвестно, кто кому обязан больше. А почему с ними?.. Я скорее сам по себе, чем с ними, это будет точнее. Но с вами мне не по пути.

К-мигрант безмолвно исчез, словно растворился в воздухе. Габриэль расслабился, отвечая понимающим кивком на взгляд Демина.

– Все правильно, Дима. Задержать мы его могли бы, удержать – нет. Надеюсь, некоторое время мы поработаем спокойно, хотя бдительности терять не стоит.

– Пойду сообщу Железовскому, – пробормотал пограничник, – и Эрбергу.

– Который час?

– Второй по среднесолнечному.

– Значит, ночь и там... Что касается командора – звони, он – твое непосредственное начальство, а комиссара-два не трогай до семи утра хотя бы. – Грехов улыбнулся своим мыслям. – Этой ночью он, считай, родился снова.

– У него день рождения? – поднял брови Демин.

– Нет, но пусть хотя бы эту ночь проведет без тревоги.

– Хорошо, – кивнул пограничник, ничего не поняв. – А вы сейчас куда? Извините...

– Я? – Габриэль снова стал прежним Греховым, мрачновато-спокойным, скупым на слова и мимику. – Я на Землю. Держись, кобра, отдыхать тебе рано.

СМЕРТЬ ЧУЖАНИНА

Железовский прибыл на куттере погранслужбы в сопровождении шустрого, взъерошенного Шадрина, бывшего заместителя кобры-один Берестова.

Савич смотрел, как они вылезают: Железовский, невзирая на размеры и свои сто с лишним килограммов, прыгнул на землю не менее ловко и проворно, чем малыш Шадрин.

Маяк границы, «открытый» Берестовым на Марсе, был уже оцеплен кибками погранслужбы, и возле него вырос небольшой городок исследователей объекта: три стандартных жилых купола, кессон реактора и четыре конуса лабораторий. Сам «маяк» уже не был похож на изделие рук человеческих, голографический камуфляж исключили, а то, что пряталось под ним, больше напоминало двадцатиметровую этажерку, завернутую в ослепительно белую «авоську» с крупными неровными ячейками. На двух нижних полках этажерки, открытой со всех сторон, лежали два пятиметровых «бульжника» непередаваемо черного цвета.

– Роиды? – прогудел Железовский, подходя ближе и оглядывая угловые глыбы.

– Совершенно верно, – кивнул Савич. – Мертвые. Поэтому и лежат здесь, забытые. Судя по размерам «авоськи», – а на самом деле это полевой стабилизатор, выращенный неизвестным способом, – роиды были раза в три крупнее, но за сто с лишним лет «похудели», ссохлись, так сказать.

– Они в самом деле умерли?

– В том смысле, как мы это понимаем. Они не излучают ни в одном из диапазонов электромагнитного и других полей, хотя каждый имеет массу – около десяти тонн. Ребята обнаружили любопытные эффекты, не хотите посмотреть? Если повезет, конечно.

Железовский оглянулся на близкий вал кратера, выеденного Прожорливым Младенцем – рождающимся Конструктором.

– Что они здесь делали? Чего ждали?

Савич тоже оглянулся на гребень кратера.

– Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем, сфинктура этих объектов даже не поддается измерению. – Лидер команды ученых обошел этажерку, подобрал камешек, подкинул в руке.

– Видите пятно? Оно чуть светлее. Мы назвали его «трупным».

Савич с силой метнул камешек в глыбу чужанина. Тот отскочил.

– Не попал.

Второй камень также отскочил от глыбы, а третий канул в черноту, как в воду.

– Пойдемте. – Савич увлек прибывших за собой, обходя сложные антенны всевозможного рода устройств, измерительных комплексов и аппаратов. Работавшие у приборов люди расступались и продолжали заниматься своим делом, неторопливо, методично, буднично и спокойно. Савич остановился с другой стороны этажерки, ближе к роиду, в которого бросил камень, посмотрел на часы, кивнул в сторону глыбы:

– Сейчас появится. Мы засекали: время пребывания пробника внутри роида не превышает четырех минут.

Словно в ответ на слова ксенолога, из черной грани мертвого чужанина выпрыгнул брошенный ученым камешек и едва не попал в Шадрина. Железовский проследил за его падением, шевельнул бровью:

– Он что же, вылетает с той же скоростью, с какой был запущен?

– Практически с той же. Словно летит в вакууме метров шестьсот, не подчиняясь земному тяготению. Однако некоторые камни не возвращаются, зато вместо них мы ловим слабые вспышки гамма-излучения.

– Любопытно. Как вы это объясняете?

– Идеи есть. – Савич с легким замешательством пошевелил пальцами. – Но они несколько экстравагантны... если не сказать резко. Ксенологи, например, начисто с ними не согласны. Одно пока стало ясно: чужане совсем не то, что мы о них думали.

Железовский хмыкнул:

– Темните вы что-то, уважаемый.

– Ничуть, просто привык опираться на факты или хорошо просчитанный эфпрогноз, прежде чем выносить гипотезу на обсуждение.

– А как вам удалось выключить их маскирующий генератор?

– Он выключился сам – видимо, иссяк источник энергии.

Железовский в задумчивости пошел вокруг чужого сооружения с мертвыми чужанами, остановился перед полоской ползучих растений темно-серого, почти черного цвета, нагнулся и потрогал.

– Это их флора?

– Нет, – ответил Шадрин, забегающий то слева, то справа от комиссара, успевающий следить за обстановкой, говорить по рации сразу с тремя абонентами и перекинуться парой фраз с исследователями «маяка». – Это дремлик марсианский, разве что потерявший свой голубой цвет. А вот это берегень седой, а дальше – шерстонос ядовитый. – Шадрин показал на колючку фиолетового цвета с широкими дырчатыми листьями. – Больше здесь ничего не растет.

Железовский покосился на него заинтересованно, но сказал только одно слово:

– Возвращаемся.

Уже у куттера он вспомнил о Савиче:

– В двадцать три по среднесолнечному жду вас на «Перуне» с материалами. – Ответа комиссар не ждал. – Что ты об этом думаешь? – спросил он спутника, когда они были уже в воздухе.

– Темно, – односложно ответил Шадрин, который ни минуты не мог просидеть спокойно, находя работу для рук, ног и тела. Со стороны казалось, что он нервничает, на самом деле то была врожденная манера поведения, а хладнокровия у грифа безопасности Юры Шадрина хватило бы на троих.

Железовский покосился на него и буркнул в усик рации:

– Группе Дюлы сегодня же перенести чужан в бункер со спецзащитой в Такла-Макан. Императив «модерато».

– Принято, – донесся голос дежурного инка Марсианского центра. – Вам только что пришло сообщение по треку: на трассе Гиппарх – Солнце появилась эскадра чужан.

– Как? – не понял комиссар. – Эскадра? Они что же – идут строем?

– Выражение применил для образности, – поправился инк. – Такое количество чужанских кораблей наблюдается впервые – более десяти тысяч.

– Сколько?! – переспросил Шадрин, впервые превращаясь в статую: он тоже был включен в постоянную опер-связь.

– Более десяти тысяч, – терпеливо повторил дежурный. – Впечатление такое, будто роиды вылетели приветствовать дорогого гостя – Конструктора.

– По охранной зоне иксоида – «три девятки»! – отреагировал Железовский, увеличивая скорость куттера. – Всему исследовательскому флоту очистить зону до особого распоряжения и следовать колонной в кильватере иксоида на расстоянии в две единицы.

– Начальник погранотряда в зоне иксоида уже дал такую команду.

– Молодец Демин, быстро ориентируется, – сказал Шадрин.

– Председателям СЭКОНа и Совета безопасности прибыть на «Перун» через два часа.

– Принял, – отозвался дежурный.

– Найдите по связи проконсула ВКС Грехова, пусть тоже прибедет на спейсер.

– Принял.

– Кобре-два погранотряда Демину: я буду у него через сорок минут. Без меня ничего не предпринимать.

– Чтоб я сдох! – произнес Шадрин хладнокровно. – Это больше похоже на подготовку к массовой атаке, а не на встречу с хлебом-солью.

Железовский представил тысячи чужанских кораблей, идущих строем, сплетающихся в неповторимый зловещий узор атакующей колонны, и ему показалось, что он слышит крик чужан, крик устрашающий и завораживающий, слагающийся из рычания зверя, пения ангелов и рокота боевых индейских барабанов, способный ужаснуть слабых и предостеречь мудрых, звучащий отовсюду и ниоткуда конкретно, и впервые в жизни комиссару захотелось быть просто зрителем этой феерической картины, а не главным действующим лицом.

«Пора уходить на покой, – подумал он без привычного тоскливого ощущения потери, трезво и спокойно. – Догмат эмоциональной напряженности не проходит даром даже для интрасенсов, а я давно исчерпал свой запас душевного равновесия. И Забава почувствовала это, иначе не осталась бы у меня...»

Железовский подавил поднышающую было к глазам волну соленой влаги, подумал с неудовольствием: «Этого еще не хватало! Кличка «роденовский мыслитель» – еще куда ни шло, но «плачущий мыслитель» – это уже нонсенс. Хотя никто не знает, что последние годы я держался в службе исключительно благодаря умению выделять ситуации, действительно требующие максимального напряжения и собранности... Вот почему я привязался к Ратибору – он тоже умеет расслабляться и драться до последнего, когда этого требует реальная обстановка. Где же ты застрял, сынок?..»

Чудовищная, невообразимая по масштабам метель мела наискось по центральному полю обзорного виома, и не было ей ни конца ни края! «Снежинки», каждая размером в три километра и больше, имели неповторимый узор, и по их сложным телам катились волны желтого свечения, искажая очертания, превращая их в пульсирующие световые бакены или маяки, предупреждающие всех встречных неведомо о чем.

Конечно, глаз почти сразу узнавал в этих конструкциях ставшие обычными, с нерегулярным рисунком выступов и впадин, асимметричные обводы чужанских кораблей, но на сей раз странная траурная иллюминация заставляла людей снова и снова вглядываться в бесконечную мигающую колонну чужих космолетов, прикидывать их намерения и мощь.

Колонну сопровождали несветящиеся корабли, похожие на древесные комли, грибы-сморчки или трутовики, на морские раковины, но их было мало, по подсчетам наблюдателей – от силы два десятка. На людей, их запросы и попытки контакта чужане не обращали внимания, а через два часа похода – с момента обнаружения – колонна остановилась и стала превращаться в стенку толщиной в один «кирпич» – корабль.

Когда на «Перун» прибыли Боянова и Баренц, стенка, вернее, решетка была уже выстроена и располагалась она точно на пути следования иксоида с предполагаемым внутри Конструктором. До подхода иксоида к этому району оставалось не более полутора часов.

– Что будем делать? – спросил Демин, держась с деликатной властью отвечающего за порядок хозяина.

Вместе с Бояновой на борт спейсера прибыли почти все ответственные представители тревожных служб человечества, научные сотрудники высших рангов и корреспонденты агентств передачи новостей, всего около двадцати человек, и Демину пришлось устраивать их в экспедиционном зале, не рассчитанном на столь обширную аудиторию.

– Пусть говорят ксенопсихологи, – предложил Шадрин, успевший раз двадцать выскочить из зала и зайти обратно. – Это их епархия.

Демин посмотрел на него, сдерживая усмешку. Когда Шадрин увидел колонну чужан, он сказал всего два слова: «Мама родная!»

– Мы в таком же положении, как и все остальные, – нервно проговорил темнолицый лидер ксенопсихологов по имени Ранбир Сингх. – Тем более что по закону – чем проще решение, тем труднее его найти.

– Но ведь специалисты по чужанам – вы, неужели за сто лет изучения не сумели определить их параметры и мотивы поведения?

– Если это можно назвать изучением, – огрызнулся один из молодых ксенопсихологов. – Вы разве не знаете, что роиды не контактируют с нами? Я лично ни разу не видел живого чужанина, да и мертвого увидел только вчера, когда его привезли в лабораторию с Марса. И у меня сложилось впечатление, что все мы чудовищно ошибаемся в определении сущности чужан. Они – не разумные существа в полном смысле этого слова, вернее – не только существа, обладающие разумом, но гораздо более сложные объекты.

По залу растеклось недолгое молчание. Потом раздались звуки шагов, и в зал вошел Габриэль Грехов.

– Предлагаю не трогать чужан и убраться подальше от их сооружения. Через полтора часа здесь будет весьма неуютно.

Сингх с любопытством оглянулся, он был мало знаком с бывшим спасателем.

– Вы, кажется, Грехов? Не могли бы вы расшифровать термин «неуютно»? В лексиконе психологов он имеет довольно определенное значение.

– Чего уж определеннее, – угрюмо проворчал Грехов. – Как может быть кому-то уютно в области пространства с переменной геометрией и «вспененным временем», где ядра атомов спонтанно распадаются на составляющие? Какая защита способна выдержать столь глубокое преобразование материи?

– Вы имеете в виду область пространства, занимаемую иксоидом? – в замешательстве спросил Сингх.

– Я имею в виду ту область, которая образуется после столкновения Конструктора с чужанской стенкой. Обещаю появление в наглядном изображении всех предсказанных эффектов К-физики.

– Думаю, что проконсул прав, – задумчиво сказала Боянова. – Хотя каждый раз поражаюсь его уверенности. Жаль только, что он никогда не говорит до конца все, что знает. Габриэль, скажите, вы знаете, что это такое? – Председатель СЭКОНа кивнула на виом с плывущей в нем плоской решеткой из чужанских кораблей.

– Знаю, – помолчав, ответил Грехов. – Хотите, покажу? У нас еще есть время.

– То есть как – покажу? Вы хотите?..

– Ну да, слетать к ним и посмотреть вблизи.

– А роиды не помешают?

– Мы их не интересуем. Да и пограничники подстрахуют.

– Я с вами, – заявил учтиво, но с непреклонной решимостью Демин.

– Я тоже, – буркнул Железовский. – Предлагаю отменить «три девятки», пограничникам и безопасникам можно перейти на «джоггер», но исследователям до встречи иксоида с... – «роденовский мыслитель» поискал слово, – с чужанской перегородкой ближе, чем на тысячу мегаметров, не подходить.

– Я понял так, что ученых вы с собой не берете, – сказал ксенопсихолог с удивлением и обидой.

– Вы правильно поняли, – кивнул Демин. – Обещаю, что вы увидите все, что и мы.

Для обеспечения безопасности он взял «пакмак» с полной обоймой коггов, кое-как усадив пассажиров в осевом драккаре связки: в трех креслах-коконах расположились он сам – в

качестве пилота, Боянова и Железовский – после того как Грехов отказался занять кресло и остался стоять, надвинув резервный эмкан связи с инком шлюпа.

Перегородка из чужанских кораблей, каждый из которых в три-четыре раза превосходил земные спейсеры, приблизилась, распалась на отдельные объекты, самый крайний из них стал увеличиваться в размерах, превращаясь в гору, полосатую от катившихся по ней волн сияния.

– Вас не наводит на размышления, – сказал негромко Грехов, – что параметры всех сооружений чужан определяются не технологической обработкой, не технологией вообще, а направленными процессами типа «рост кристалла»?

– Что вы хотите сказать? – раздался в наушниках рации голос главного ксенопсихолога, оставшегося на борту спейсера.

– Только то, что роиды не имеют эффекторов, подобных человеческим рукам, и все, что им необходимо, они выращивают, используя направленное стимулирование естественных для данной среды процессов. Это дает возможность управлять открытыми физическими системами без мощных энергетических процессов. Аналогий не видите?

Ученый не ответил. Никто в рубке драккара не проронил ни слова, только Демин изредка оглядывался, словно хотел убедиться, что Грехов никуда не делся.

Корабль чужан приблизился, закрыл собой все переднее обзорное поле видеокамер шлюпа.

– Ведомым – особое внимание! – мысленно скомандовал Демин. Снова оглянулся: – Что дальше?

– Ищу каверну с пульсацией электромагнитного поля, – сказал Грехов. – Там вход.

Демин посмотрел на Боянову, лицо которой то усиливало желтый блеск, становясь золотым, то темнело – в зависимости от волн свечения, продолжавших бесшумный бег по сложному телу чужого космолета; хотя каждому из сидящих изображение передавалось от видеокамер напрямую к зрительным синапсам, инк дублировал передачу, превратив стену напротив в обзорный виом.

– Не комплексуйте, капитан, – сказала Боянова суше обычного. – Вы не один в таком положении.

– Извините, – пробормотал Демин.

– Пустое, – равнодушно отозвался Грехов. – Видите прямоугольное пятно? Это вход. Дальше, к сожалению, на шлюпе не пройти, придется идти в скафандрах.

– Внешнее наблюдение – обстановка?

– Два «динозавра» дрейфуют в пяти единицах от вас, – доложили наблюдатели, – еще один, похожий на раковину, идет за вами, остальные группируются в центре перегородки. Такое впечатление, что они совещаются.

– Ведомый-два, возьмите управление, мы идем внутрь. Ведомым-три и четыре обеспечить прикрытие, особое внимание уделить «раковине».

– Выполняем.

– Пошли? – Демин открыл люк в камеру выхода из драккара, и лифтодесантный автомат по одному выбросил их наружу.

Вход внутрь чужанского исполина оказался достаточно широким, чтобы все четверо могли свободно войти в него одновременно. Однако Грехов сделал знак рукой и вошел первым. Внутри коридора вспыхнул свет его фонаря, высветил неровные голубоватые с рельефным фиолетовым узором стены.

– Все в порядке, – раздался вызов проконсула. – Опасности нет. Предлагаю не тратить время на осмотр второстепенных деталей и обстановки, а сразу проследовать к главному отсеку.

– Я гляжу, вы свободно ориентируетесь в чужанских кораблях, – не удержалась Забава. – Уже путешествовали внутри этих монстров?

Проконсул не ответил.

Спустя несколько минут бешеного аллюра внутри многократно изломанного коридора, в котором царил вакуум, остановились перед глухим тупиком, стена которого казалась твердой и зыбкой одновременно.

– Обычное эм-поле, – буркнул Грехов, – смелее. – И первым шагнул в стену, породив дифракционную картину, похожую на бегущие по воде круги от брошенного камня.

Демин вошел, вернее, влетел вторым и вынужден был остановиться, потому что за стеной силового поля ничего не было! Точнее, начинался колоссальный провал, в котором луч фонаря тонул словно в бездне. Лишь неясные сероватые тени, выхваченные конусами света метрах в двухстах от людей, говорили, что разведчики находятся внутри какого-то помещения, а не вылетели из корабля в космос.

Грехов посторонился, уступая место Железовскому и Бояновой, достал из батареи спецснаряжения на поясе цилиндрик блейзера и выстрелил им из «универсала» вперед и вверх. Спустя несколько секунд под куполом гигантского цирка вспыхнул ослепительный клубок пламени, высветив громадную шарообразную кучу камней черного цвета с размерами от метра до трех десятков метров в поперечнике. Впрочем, это были не камни.

– Ройды! – прошептала Боянова. – Мертвые ройды!

Демин понял это мгновением позже. Он, конечно, не встречался в своей жизни с живыми чужанами, но знал, как они выглядят. Живые чужане струились – если можно было применить этот термин к глыбам из похожего на камень материала, то есть постоянно, хотя и в небольших пределах, меняли форму. Их «кожа» топорщилась кристалликами и «дышала». Эти же ройды ничем, кроме цвета, не отличались от обломков скал. Некоторые из них были так глубоко черны, что становились практически невидимыми, поглощая свет, как рассчитанное теоретиками абсолютно черное тело, создавая иллюзию «черных дыр» в пространстве.

– Сколько же их тут? – сказал со странной интонацией Железовский. – Целое кладбище!

– А в трюмах других кораблей? – спросил Демин.

– То же самое, – ответил Грехов.

– История повторяется. – Железовский в скафандре отплыл в сторону, углубился в полость. – Чужане повторяют ритуал, только в большем масштабе. Помните, они пытались запустить свой поврежденный транспорт с соотечественниками в канал БВ? Может быть, это и в самом деле ритуал погребения, так сказать, похороны по-чужански по высшему разряду.

Грехов хмыкнул:

– Вы все время пытаетесь наделить чужан человеческими качествами, психологией и моралью, хотя уже давно доказано – они не только не гуманоиды, они объекты с более чем странной структурой. Неужели никто из вас до сих пор не увидел никаких аналогий?

– Увидели, увидели, – проворчал комиссар. – Мне нравится ваша манера тыкать носом несведущих в истины, известные только вам. Вы хотите сказать, что чужане и чистильщики Тартара – родственники?

Демин, не сдержавшись, с шумом выдохнул: он был поражен. Боянова тоже была удивлена, хотя и в меньшей степени.

– Вы шутите, Габриэль?

– Ничуть, – раздался смешок проконсула. – Чужане и черные чистильщики Тартара действительно родственники, разве что первые проэволюционировали чуть раньше и размеры их на порядок-два меньше.

– Вот это новость! – сказал Демин, переводя дыхание. – То-то мне все время чудилось, будто я уже где-то встречался с ройдами... Но ведь чистильщики – это локализованные гравитацией огромные области чужих пространств со своей жизнью в каждом, просто их масштабы несопоставимы с нашими, так? Выходит, внутри каждого ройда тоже заключается иное пространство? А внутри мертвого?

– Внутри мертвого чужанина – мертвые пространства, пустые, – задумчиво проговорила Боянова. – Ну и свинья ты, Аристарх! Знать такое и не поделиться!..

– Я не знал до сегодняшнего дня, – не обиделся Железовский, – пока не увидел на Марсе мертвого роида и Савич не бросил в него камень. Догадывался, конечно, но не верил, уж очень разные масштабы деятельности и, главное, поведение. Чистильщики потому и названы чистильщиками, что контролируют экологию Тартара – в их понятии, естественно, нападая на наши аппараты с целью выдворения их за пределы атмосферы планеты, а чужане уже способны понять, что мы – не просто живая материя, но и материя созидающая, обладающая разумом, свободой воли. – «Роденовский мыслитель» выдохся и замолчал, он никогда прежде не произносил таких длинных речей, что говорило о его волнении.

– Но тогда вы, Габриэль... – начала Боянова.

– Согласен, – быстро ответил Грехов. – Хотя меня никто об этом почему-то не спрашивал. Железовский издал низкое клокотание – он так смеялся. Усмехнулся невольно и Демин.

– А красивая была идея – насчет похорон. Однако зачем чужанам подбрасывать «сгоревшие куски шлака», если так можно выразиться, на пути Конструктора? Чего они добиваются?

– Идемте домой, оставаться здесь опасно, – вместо ответа предложил Грехов и первым устремился сквозь мерцавшую завесу в коридор, пронизывающий весь чужанский корабль по оси.

Столкновение иксоида с перегородкой, смонтированной чужанами из целых с виду космических кораблей с мертвыми роидами внутри, наблюдал весь флот землян, идущий кильватерной колонной рядом с иксоидом в трехстах миллионах километров от него.

В экспедиционном зале спейсера «Перун» некуда было яблоку упасть, так он был набит, и Демин попытался было использовать власть и силу лозунга «Посторонним вход воспрещен», но смирился, расслышав короткую фразу комиссара-два: «Пусти их, это ненадолго».

Рядом с Бояновой стояла Анастасия Демидова, бледная, но спокойная. Грехов тоже был недалеко, но на нее не смотрел. Он и в тесном окружении умудрялся казаться одиноким и чужим, вернее, отчужденным, отгородившись глухим мысленным барьером.

– Не знаю почему, но волнуюсь, – шепнула Боянова Анастасии. – Ты знала о том, что роиды, по сути, тартарианские чистильщики?

Настя кивнула.

– Ксенологи с хором скорбных молений хоронят свои теории, для них это открытие – чувствительный удар по самолюбию. Но зато до чего интересно!

Лицо Бояновой отразило мистический восторг, прозвучавший в ее голосе, и Настя, с долей недоверия прислушиваясь к своим ощущениям – она почувствовала пси-волну Забавы, но не сразу поняла, – кивнула, соглашаясь.

– Сколько же непознанных и великих тайн ждет нас впереди! – Боянова будто разговаривала сама с собой. – И сколько их сокрыто в прошлом! У великого русского ученого двадцатого века Константина Циолковского есть такое высказывание: «Сзади нас тянется бесконечность времен. Сколько было эпох, сколько случаев для образования разумных существ, непостижимых для нас!» В этих словах таятся исключительный смысл и притягательная сила, которым нет цены. Ведь, по сути, мы только начали разгадывать сфинктуру Вселенной как вне нас, так и внутри себя.

– Внимание! – раздался сверху, из-под купола зала, четкий голос. – Минута до столкновения.

Разговоры в зале стихли, все головы повернулись к главному обзорному виому, по центру которого светилась желтая тонкая вуаль чужанской перегородки. Чуть ниже обреза виома раскрылись черные колодцы оперативных объемов связи, изображения на которые передавались с видеокамер зондов, расположенных от снимаемого объекта на разных расстояниях.

Настя превратилась в слух, прижав руки к груди. Казалось, на ее лице жили только глаза, жадно впитывающие слабый свет далеких звезд. Боянова вдруг ощутила в молодой женщине яростную борьбу волнения, боли и надежды и, подойдя к ней, обняла за плечи, пытаясь успокоить. А еще она услышала тихий пси-рефрен со стороны, словно заклинание: успокойся, успокойся, успокойся... Вероятно, это был пси-вызов Грехова.

Звезды в виоме, образовавшие волокна, слабые россыпи и «дымные» струи, вдруг исчезли, будто их задуло ветром, и тут же на месте ажурной перегородки чужанского «кладбища» вспыхнули тысячи пронзительных зеленых молний, вернее, совершенно прямых огненных копий, сложившихся в один колоссальный пучок. Эти «копья» прыгнули слева направо по полю виома, вытягиваясь в одно длиннейшее миллионкилометровое «древко», и превратились в колонны бурлящего пламени, на глазах изменяющие цвет от ярчайшего зеленого до желтого и багрового.

В оперативных виомах та же картина расчленилась на фрагменты, причем ближайšie зонды с видеопередатчиками были разбиты уже через мгновение, держались лишь те, что находились на больших расстояниях. Но спустя несколько секунд и они перестали передавать изображения, один за другим окна виомов погасли, остался лишь обзорный виом спейсера, на который жадно смотрели десятки глаз.

– Флоту – императив «Кутузов»! – раздался по пси-связи приказ Железовского, означающий быстрое организованное отступление.

Однако судорога пространства, рожденная столкновением иксоида с «похоронным строем» чужанских кораблей, бежала быстрее и догнала земные корабли.

Волна искривления пробежала по залу спейсера, жутко сплющив предметы, кресла, интерьер, тела людей. Не помогли ни защита, ни скорость, ни переход на режим «кенгуру», и спасло экипаж и пассажиров спейсера только то, что он успел удалиться от этого страшного места на достаточно большое расстояние – около четырех миллионов километров.

Зал перестал корчиться, ломаться и плыть, дрожь ушла в стены, успокоился пол, виом перестал показывать «вселенский пожар», вернул изображению пространства бархатную черноту и глубину, но люди опомнились не сразу. Не потеряли сознание лишь единицы, самые закаленные и сильные: Железовский, Боянова, Баренц, Демин, незнакомый высокий негр в сером кокосе и Габриэль Грехов.

– Помощь нужна? – раздался из стены голос командира спейсера. – Все живы?

– Они сейчас очнутся, – отозвался Грехов, наклоняясь над Настей. Взял ее на руки и посадил в кресло, которое уступил Демин. Потом посмотрел на негра.

– А вы здесь какими судьбами, бывший археонавт Нгуо Ранги?

– Хэлло, – ответил негр певуче, морща лицо в улыбке, хотя глаза с тремя зрачками в каждом оставались холодно-спокойными и выжидающими.

– Вы продолжаете играть в казаков-разбойников. Не надоело?

– Ситуация не изменилась.

– Ошибаетесь. К тому же в настоящий момент никакое изменение ситуации вам неподвластно. Как и нам, впрочем.

Негр сделал неопределенный жест рукой, и в то же мгновение два рубиновых лучика с плеч Грехова как бы обняли незнакомца, просверкнув в сантиметре от его лица справа и слева. Негр замер, улыбка его погасла. Несколько долгих секунд они смотрели друг на друга, потом проконсул качнул головой:

– Идите. Ваша беда в том, что я знаю, кто вы, что делаете и зачем. И помните: мы – мирные люди до тех пор, пока к нам идут с миром, но кто придет с мечом...

– Я понял, – сказал Нгуо Ранги, становясь бесстрастным. И исчез. Не в физическом смысле слова, конечно. Просто движения его были так быстры, что человеческих реакций не хватало на их фиксацию.

– Кто это был? – поинтересовалась, подходя ближе, Боянова: ее все еще тошнило, хотя она и сдерживалась.

Грехов посмотрел на нее, потом озабоченно – на Анастасию, погладил ее по руке – девушка приходила в себя – и оглянулся на Железовского, неотрывно глядевшего на виом.

– Где он? – спросил комиссар глухо. Он не понял.

Вместо ответа проконсул вызвал рубку:

– Дайте на обзорный дальновидение.

Изображение в виоме вздрогнуло, зеленовато-голубые световые нити, едва видимые в центре обзорного поля, стали увеличиваться, приближаться, словно спейсер резво устремился к ним в режиме двойного ускорения. «Нити» превратились в удивительные ажурные ступки голубого и зеленого огня, напоминавшие живую шевелящуюся мыльную пену; отдельные «мыльные пузыри» отрывались от нее, двигались некоторое время по замысловатым траекториям и рассыпались роями цветных искр. Создавалось впечатление, будто пространство в этом месте кипит на протяжении десятков миллионов километров.

– Что это? – спросила Боянова, забыв о визите К-мигранта.

Люди в зале постепенно приходили в себя, начинали двигаться, раздалась первые голоса, неровные вздохи, восклицания, шорохи, слившиеся в легкий шумок.

– К-физика в наглядном изображении, – буркнул Грехов, не оборачиваясь. – Рождение и гибель всех предсказанных теорией Великого объединения ⁸ частиц и полей. С другой стороны – это борьба физик, нашей и «завселенской», столкновение абсолютно разных вакуумов с разными наборами физических констант. Я понятно изъясняюсь?

– Вполне, – отозвался очнувшийся Савич.

– Где Конструктор? – повторил вопрос Железовский.

Грехов снова ответил по-своему:

– Рубка, дайте запись столкновения, самую кульминацию, в замедленном темпе.

Черный провал виома с «пенной» затянулся на миг твердой белой эмалью холостого режима и снова превратился в громадное окно, только теперь на месте «пены» расцветал колоссальный протуберанец пламени, пронзенный множеством огненных зеленых струй-стрел. Медленно-медленно этот сгусток неистового огня просочился сквозь поток жалящих струй пламени, словно сдирая с себя лохмотья дымящейся материи, становясь чище и прозрачней, и наконец превратился в стремительное, мигающее с небывалой быстротой, меняющее форму полупрозрачное тело – широкий конус, из dna которого сочились голубые, клейкие с виду, дымящиеся нити, отрывающиеся где-то в невообразимой дали очередями прозрачных «водяных капель»...

– Его величество блудный Конструктор, – пробормотал Грехов с непередаваемой интонацией.

Боянова быстро взглянула на него, но ничего не смогла прочитать на металлически твердом лице проконсула.

– Что нам делать, Габриэль? – спросила она тихо.

Грехов не отвечал с минуту, разглядывая уходящий вдаль, состоящий из подвижных гранул «призрак» Конструктора. Потом нехотя сказал:

– Что и раньше – ждать. Примите только совет: не подходите к нему близко... хотя бы первое время, и вообще верните весь исследовательский флот на Землю, исследователям нечего делать возле Конструктора.

– Но проблема контакта должна решаться ксенопсихологами и контактерами, – возразил Сингх. – Ученые других дисциплин могут действительно возвращаться, но мы...

---

⁸ Физическая теория, объединившая электромагнетизм и теории слабых (с участием нейтрино) и сильных (с участием кварков) взаимодействий.

– Проблема контакта с Конструктором будет решаться не нами. – Грехов мельком посмотрел на Анастасию.

– Кем же? – требовательно спросила Боянова. – К-мигрантами?

– Нет, самим Конструктором. Вы, Забава, как-то сказали, что не любите дежурного оптимизма, так постарайтесь доказать свою точку зрения ксенологам ИВК, они не готовы к диалогу с Конструктором... судя по их эмоциям. Извините, джентльмены, мне необходимо срочно убыть на Землю. – Проконсул направился к двери, дружески кивнул Демину.

– Постой, Эль, – раздался сзади голос пришедшей в себя Анастасии. – Я с тобой.

Они вышли.

Боянова повернулась к комиссару.

– Аристарх, у меня такое чувство, будто с нами сейчас говорил не Грехов, а сам Конструктор. – Она зябко передернула плечами. – Я боюсь их обоих!

Железовский наконец оторвался от виома, подошел и положил ей на плечо свою огромную руку.

ЗАПРЕДЕЛЬЕ

Он лежал лицом вниз, раскинув руки и ноги, на чем-то твердом, напоминающем утоптанную землю с россыпью мелких и острых камней, впивающихся в тело. Сил не было, как и желания дышать и думать. Судя по ощущениям, волны боли прокатывались по коже, вскипали прибоем у островков наиболее чувствительных нервных узлов – все тело было изранено, обожжено, проткнуто насквозь шипами и колючками неведомых растений. Иногда наплывали странные, дикие, ни с чем не сравнимые ощущения: то начинало казаться, что у него не две руки и две ноги, а гораздо больше, то голова исчезала, «проваливалась» в тело, растворялась в нем, то кожа обрастала тысячами ушей, способных услышать рост травы... Но все перебивала боль, непрерывная, кусающая, жалящая, дурманящая, следствие каких-то ужасных событий, забытых живущей отдельно головой.

Шевелиться не хотелось. Однажды он попробовал поднять голову, разглядел нечто вроде склона холма, полускрытого багровой пеленой дыма, и получил колоссальный удар по сознанию: показалось – тело пронзило током от макушки до кончиков пальцев на ногах! Он закричал, не слыша голоса, извиваясь, как раздавленный червяк, и потерял сознание, а очнувшись, дал зарок не шевелиться, что бы ни случилось.

Кто-то внутри него произнес:

Подыми меня из глубин
бездны вечного униженья,
чтобы я,
как спасенный тобою пророк,
жизнью новою жил⁹.

Ратибор напрягся и на мгновение выполз из скорлупы внушенного кем-то или чем-то образа «раненного на холме», сумев понять, что находится в гондоле «голема», укутанный в слой компенсационной физиопены, однако тут же последовал беззвучный, но тяжелый и болезненный удар по голове (пси-импульс!), и снова вернулось ощущение, будто он лежит, изувеченный, на склоне каменистого холма...

Ленивые мысли обрывались, мешали друг другу и копошились в болоте успокоения: черт с ним, полежу, так хоть меньше болит... Интересно, кто сейчас говорил про бездну? Он что – не видит, в каком я положении?.. Неужели никто не видит, что я здесь лежу?..

И снова рядом тихо, но четко кто-то произнес:

– Очнись, опер, пока совсем не рехнулся...

– Кто говорит? – вяло поинтересовался Ратибор. Голову пронизала острая свежесть, пахнуло холодом и озоном, он снова увидел перед глазами красный транспарант: «Тревога АА», но не удержался на краю сознания и скатился в пропасть видения, призрачных ощущений и боли...

Еще дважды он пытался бороться за самостоятельность и свободу, испытывая чудовищные боли и муки, и наконец преодолел барьер внешнего воздействия, с которым яростно боролся на уровне эмоций и подсознания. Он находился в кокон-кресле «голема», подключенный к системе аварийной реанимации: в венах обеих рук иглы питания и гемообмена, на груди – «корсаж» водителя сердечного ритма, на голове – шлем максимальной пси-защиты.

---

⁹ Книга скорбных песнопений. 1002 г. (перевод Г. Державина).

Жив, подумал Ратибор почти с испугом, но ситуация дошла до реанимации, как говаривал Аристарх... Ничего не помню! Удалось или нет? Где я, черт побери? «Проводник, – мысленно позвал он, испытывая приступ слабости, вспомнил имя координатора «голема» и поправился: – Дар, высвети информацию и дай внешний обзор».

– Слава богу, ожил! – отозвался инк. – Здесь не слишком уютно и повышен пси-фон, чувствуешь?

Ратибор только теперь ощутил неприятную давящую тяжесть в голове и покалывание в глазных яблоках – результат воздействия мощного пси-поля.

– Где – здесь?

– Не знаю, – честно сознался координатор. – Попробуй разобраться сам. Даю обзор.

В глаза Ратибора хлынул призрачный свет, мелькнули более темные полосы, потом более светлые, длинным серпантинном закружились вокруг светящиеся кометы, искры, шлейфы дыма...

«Голем» вращается! – сообразил Ратибор. – Вернее, кувыркается в воздухе... или в вакууме?»

– Стабилизация по трем осям! – приказал он координатору. – Локацию в длинноволновом диапазоне, выдачу параметров среды.

Верчение цветных струй и полос вокруг замедлилось, полосатый хаос распался на бесформенные пятна, мигающие огни, клубы и полотнища дыма, странные скрюченные тени, двигающиеся в дыму. Изредка сквозь дым пробивались зеленые зарницы, и весь пейзаж передергивался, будто его сводила судорога. В такие моменты в гондоле «голема» раздавался гудок и перед глазами пилота вспыхивало слово «Радиация» и цифры – ее уровень внутри аппарата.

Локация в длинноволновом диапазоне ничего не дала: радиоволны вязли словно в дыму и не возвращались, поглощаемые средой. Высокочастотные волны оконтуривали в дыму какие-то зализанные, округлые предметы, медленно перетекающие друг в друга, за которыми на пределе видимости проступили твердые, ребристые и бугристые стены, перемежающиеся с нишами, пещерами и бездонными провалами.

– Миражи, – изрек координатор. – Я не в состоянии правильно оценить поступающую информацию. Все, что мы видим, на самом деле – фантомы, отражение и преломление внешних воздействий в наших органах чувств. Ложное видение.

– Отстроиться можешь?

– Пока не удастся, слишком высок радиационный и пси-фон плюс мощное акустическое поле, сбивающее точную наводку датчиков. Хочешь послушать, что делается вокруг нас?

В уши Ратибора хлынула какофония звуков – от мяуканья кошек до взрывов и визга пил, выдержать этот грохот не смог бы никакой, даже специально тренированный человек. Координатор убавил громкость до бесцветного шипения, и Ратибор невольно пробормотал:

– Белый шум... это был шум, Дар, просто исключительно большой мощности.

– Около трехсот децибел, далеко за болевым порогом, хорошо, что «голем» рассчитан на подобные воздействия.

Ратибор помолчал, впитывая порции данных, вводимых ему координатором.

Среда, в которой висел «голем», оказалась гелием с примесями инертных газов и паров металлов от железа до осмия, и была она пронизана целым «пакетом» смертельных для человека излучений. Инк «голема» сумел разобраться лишь с тремя их типами: гамма-радиацией, нейтринным потоком и протонными пучками высоких энергий, остальное излучение Дар мог оценить только качественно, по реакции универсальных регистраторов. Не ответил он и на вопрос пилота, где находится «голем».

– Во всяком случае, не в открытом космосе, – заявил он не без юмора. – Это может быть и поверхность неизвестной планеты, куда нас закинул чужанский «перевертыш», и ее недра, или ядро формирующейся звездной системы.

– Или внутренности Конструктора. Я склонен полагать, что роиды хорошо просчитали путь своего посла и теперь мы где-то в недрах Конструктора. Единственное, что меня тревожит, это отсутствие самого роида. И К-мигранта. Запустили-то нас вместе.

Накатила вдруг волна слабости, в глазах замерцала льдистая зелень, руки и ноги стали ватными, тошнота подступила к горлу, сознание померкло... ненадолго. Дар реагировал мгновенно, вводя стимулятор и питание.

Голова прояснилась, хотя тошнота осталась.

– Давай поищем, – сказал Ратибор, обливаясь потом; и тут же по коже спины, груди, под мышками щекотно пробежали пальцы медкомплекса, стирая пот.

Координатор направил «голем» вверх – если можно было назвать верхом пространство над вершиной аппарата, и словно прорвал невидимую пленку, скрывавшую до этого от человека иные пейзажи, – «голем» вырвался в солнечный день на Земле! Впрочем, не на Земле, как понял ошеломленный Ратибор, взглядевшись в представший перед глазами пейзаж, освещенный так, словно светился сам воздух.

Холмистая равнина, поросшая ковром густых трав и цветов, уходила во все стороны в бесконечность, а не до линии горизонта, как на Земле, и точно такая же равнина простиралась над головой, словно отражение в полупрозрачном зеркальном слое. Но этого было мало: справа и слева, достаточно далеко от «голема», если верить ощущениям и датчикам машины (около тысячи километров, подсказал Дар), угадывались вертикальные эфемерные стены с горными и другими ландшафтами, которые иногда становились реальными, четко и ясно видимыми. Этот мир напоминал геометрическую фигуру из по крайней мере шести пересекающихся под прямыми углами плоскостей, каждая со своим пейзажем и особенностями рельефа, но пять из них были эфемерными, призрачными, как миражи, и лишь одна не давала повода к сомнениям относительно своей реальности.

– Гексоид Гаргантюа, – проговорил Дар, и Ратибор вспомнил, откуда ему известен диковинный мир: в материалах о первом появлении Конструктора, тогда еще в виде споры – сверхборотня, как его прозвали, было описание иллюзорного путешествия одного из безопасников, Диего Вирта, по точно такому же миру, которому дали название Гексоид Гаргантюа. История повторилась. Разве что путешествие Берестова происходило наяву.

– Мы внутри Конструктора, – подвел итог своим размышлениям Ратибор. – Это его масштабы и ландшафты.

«Голем» двинулся над равниной по разворачивающейся спирали, преодолевая тугое сопротивление местной воздушной среды: гелий, инертные газы, пары металлов.

– Гелий? – внезапно удивился Ратибор. – И трава на холмах? Что это значит?

– Только то, что мы внутри Конструктора, – буркнул координатор. – У меня нет никаких сомнений в реальности холмов и всего остального, поступающая информация однозначна и не требует специального анализа. А почему трава не может расти в гелиевой среде?

– На вид-то она земная...

За одним из дальних холмов блеснула серебристая полоска. Ратибор не раздумывая повернул в ту сторону и через минуту полета посадил «голем» на холме рядом с дорогой из тускло блестящего материала, напоминающего серебро.

– Я выйду.

– Не советую, – хмыкнул Дар. – Радиационный фон тут поменьше, но пси-фон пульсирует за пределами обычных человеческих возможностей.

– Открывай.

Координатор подчинился.

Кокон-кресло «голема», представляющее, по сути, его рубку, «вывернулось наизнанку», словно толстая шуба, освободив пилота. Ратибор, упакованный в герметичный кокос, выбрался из кресла, обошел его и влез в тесный прозрачный цилиндр, занимавший все остальное сво-

бодное пространство рубки. В то же мгновение цилиндр сжался и обтянул пилота прозрачной бликующей пленкой. Ратибор защелкнул энергопояс, прицепил к нему «универсал», встал на белый круг у стены, и упругий бутон трапа вынес его наружу.

Материал дороги оказался не серебром, не металлом вообще: стоило Ратибору шагнуть, как вся блестящая полоса дороги вдруг покрылась сеткой трещин, будто была сделана из хрупкого фарфора. Цветы по обочинам дороги напоминали сложные детали каких-то машин, зубчатые колесики старинных часов и просто абстрактные головоломки, зато трава была настоящей земной травой, мягкой и шелковистой, и, сорванная, ни во что не превращалась. Ощущая непривычную тяжесть во всем теле и раздражающий глухой шум в голове, Ратибор задумчиво перетер в пальцах зеленые волокна, побродил в окрестностях черной островерхой скалы «голема» с распахнутым зевом люка и прозрачным пузырем трапа, закрывавшим люк, и влез в аппарат. Процедура пеленания и подключения к системам связи, управления и анализа заняла две минуты, после чего «голем», превращенный в плоский летательный аппарат, помчался над дорогой, скрывавшейся в дымке где-то в невообразимой дали. В следующее мгновение ландшафт под «големом» искривился, холмы вспыхнули электрическим сиянием, потрясающей силы удар обрушился на пилота неожиданно и бесшумно, словно удар лапы подкравшегося тигра, Ратибор ничего не успел понять и предпринять...

Он снова лежал на склоне холма, израненный и беспомощный, и боль кругами ходила по телу, и кровь толчками вытекала из открывшихся ран, и не было сил поднять голову, чтобы оглядеться, принять более удобную позу и позвать на помощь...

Следующее видение было иным и неожиданным: он лежал, связанный, в каменной темнице, кругом стояли враги и раз за разом били по телу ногами в сапогах с твердыми мысами...

Ратибор очнулся.

«Голем» висел над дорогой, упиравшейся в город, вполне земной, с рощами и садами, комплексами зданий и старинных архитектурных сооружений, памятников старины, ставших музеями, и город этот был знаком пилоту до боли. «Рославль!» – сообразил Ратибор, глотая витаминизированное желе через подсунутый Даром мундштук.

– Что это было со мной? – спросил он мысленно.

– Скачкообразное повышение мощности тета-линии пси-фона, – ответил координатор. – Эффективной защиты от излучения найти пока не могу. Терпи.

– А что за город впереди? И когда он появился?

– Судя по некоторым особенностям, это ваша родина – Рославль, хотя есть и «лишние» детали, а появился он минуту назад, сразу после пси-импульса, практически мгновенно. Конструктор демонстрирует нам возможности К-физики.

– Вряд ли эти странные метаморфозы – демонстрация, скорее попытки осмыслить свое положение в «шубе» иного пространства. Возможно даже, что Конструктор в данный момент находится в бессознательном состоянии. Надо искать его нервные узлы, попытаться сообщить о себе, выдать всю привезенную информацию, и хорошо бы отыскать коллег по посольской миссии – К-мигранта и чужанина.

– По-моему, они здесь, в городе, даю вариацию.

В панораме, развернувшейся перед глазами пилота, возникли два светящихся кольца, ограничив часть изображения, понеслись навстречу, увеличиваясь, пока не заняли все поле зрения, причем пейзажи и в том, и в другом кольце Ратибор мог рассматривать по очереди, не переводя глаз.

В первом кольце сквозь заросли тополей и бамбука виднелся стройный контур драккара, в котором находился посол К-мигрантов, а во втором за старинной церквушкой с зеленым куполом и золотыми крестами чернела стометровая глыба роида. Но самое странное состояло в том, что жителями города, спешащими по своим делам, были... «серые люди»!

– Бред! – сказал Ратибор, растворяясь в очередном приступе слабости.

– Тогда мы бредим оба, – отозвался координатор с горечью. – Вынужден констатировать, что мои возможности адекватного отражения действительности исчерпаны, а методы анализа обстановки несовершенны.

Ратибор, напрягаясь, попытался сфокусировать внимание на псевдо-Рославле, созданном не то его воображением, не то какими-то сложными движениями души Конструктора, и получил очередной удар пси-поля, потрясший организм до глубин подсознания; он полз по горячим углям и зарослям острых игл, сплошным ковром покрывающим пол, стены и потолок бесконечной узкой пещеры, и кричал от боли, когда стены сближались, а потолок опускался, сжимая тело в страшных тисках акульей пасти...

Кто-то наклонился над ним, прохладные пальчики пробежали по затылку, снимая боль и жар, осторожно коснулись спины, рождая щекотные волны пупырчатой кожи.

Ратибор заставил себя открыть глаза, повернуть голову набок и увидел чьи-то босые ноги, загорелые, стройные, легкие. Женщина присела, и он увидел ее лицо, лицо Насти Демидовой, строгое, красивое, тонкое, с бровями вразлет и пухлыми губами с печально опущенными уголками.

– Вставай, мастер, – сказала Настя низким голосом, кладя ему на лоб прохладную ладонь. – Надо идти.

– Куда? – прошептал он, привычно ожидая боли, но боли почти не было, лишь покалывание в кончиках пальцев рук и ног, да пульсировал сосудик на виске, словно в голове тикала заведенная мина.

– Нас ждут. – Настя просунула руку под его шею и приподняла голову. – Поднимайся, мастер, пора выбирать друзей.

Ратибор осторожно приподнялся на локтях, сел, прислушиваясь к себе, – почти никаких болевых ощущений, только в глазах все поплыло от слабости; он сжал зубы, борясь с организмом, а когда приступ прошел и мутная пелена слепоты сползла с глаз, обнаружил, что сидит на траве совершенно голый, весь в страшных рубцах и недавно затянувшихся лиловых шрамах.

Настя, одетая в струящееся нежгучее пламя, подала ему кокос.

– Одевайся, опер.

Ратибор, не испытывая никакого смущения, потрогал длинный глянцево-синий шрам на груди, уловил пульсацию крови под пальцами, поднял голову.

– Когда это меня так?... Где я? – Он огляделся.

Поляна в лесу, заросшая травой и грибами с бусинками глаз, над головой зеленое небо с белыми пушистыми облаками, воздух свеж и ароматен, стволы деревьев светятся и потрескивают, кора на них слегка шевелится, как живая, меняет рисунок...

– У нас в Рязани грибы с глазами, – пробормотал Ратибор. – Их едят, а они глядят... Где я, Стася?

Что-то мешало ему последовать совету Анастасии, какая-то внутренняя неуверенность, неловкость, стеснение, тревожное чувство ожидания беды... и нечто похожее на шепот в голове. Ратибор прислушался и уловил слабый, как дыхание, голос:

– Очнись, очнись, опер, выходи из транса, рискуешь не выкарабкаться никогда... очнись...

Тревога усилилась, внутренняя неловкость переросла в сомнение в собственной трезвости. И все время казалось, что откуда-то сквозь стенку глухоты доносится неистовый шум: грохочут барабаны и литавры, режут трубы, визжат валторны, но он ничего этого странным образом не слышит, лишь чувствует...

– К черту! – громко объявил Ратибор, вспоминая, кто он, и бросая кокос на траву, которая стала торопливо поедать косточку. – Я посол, и все это мне грезится! Извини, Настя. – Он изо всех сил ударил себя кулаком в шрам на груди и зарычал, кусая губы, – боль навалилась обжигающим водопадом кипятка и кислоты, сознание помутилось...

Тампон влажной кошачьей лапой прошелся по лицу. Ратибор открыл глаза и обнаружил себя в рубке «голема». Кожа лица и рук горела, в костях застыл расплавленный свинец, мышцы тела судорожно передергивались, дезорганизованные внешним пси-излучением, в ушах стоял глухой шум, рожденный бессвязным говором сотен людей.

– Плохо дело, – прошелестел еле слышный мысленный голос координатора. – Мне все труднее возвращать тебя из глубин иллюзорного бытия. Конструктор постепенно растворяет в себе твое «я»... да и мое тоже, хотя бредить я и не способен. Что делать будем?

– Дай картинку.

– Какой в этом смысл? Видеокамеры тоже не в состоянии отделить реально существующий ландшафт от миража.

Перед глазами Ратибора вспыхнул цветной туман, в протаявшем черном окне сверкнула изумрудная капля, приблизилась, превращаясь в планету... Земля?!

Пилот закрыл глаза, проглотил ком в горле, ощущая себя совершенно разбитым, но тут же открыл снова, сопротивляясь слабости и нежеланию жить вообще. Се человек, подумал он о себе в третьем лице, пока борется – живет. В памяти всплыло: человек начинается там, где кончается удовлетворение потребностей.

Кто-то засмеялся, задыхаясь. Может быть, он сам.

– Вперед, к Земле!

– Этот объект не может быть Землей, – неуверенно возразил координатор. – Советую не идти на посадку.

– Нас испытывают, и отказаться от испытания – значит проиграть.

– Откуда известно, что нас испытывают? Скорее мы попали в один из больных органов Конструктора, и все наши видения – следствие его беспамятства, бессознательных судорог.

– Ты, наверное, прав, Дар, но и я чую в себе странную уверенность в правоте своих предсказаний. Конечно, интуиция – символ не знания, а веры, но я себе верю.

Зеленоватый пушистый шарик планеты рванулся навстречу, закрыл поле зрения, распахнулся гигантской чашей с размытыми очертаниями материков. Ратибор попытался сориентироваться, нашел Европу, Белое море, Волгу, попытался развернуть «голем» к югу и обнаружил, что его ведут – аппарат не подчинился воле пилота, словно в генераторах движения не осталось ни крохи энергии. Однако энергия была – Ратибор мгновенно считал показания датчиков, выдаваемые напрямую в мозг, и убедился в наличии половины запаса по сравнению со стартовым энергоресурсом. И команды по всем комплектам-узлам «голема» проходили нормально, пилот удостоверился в этом с помощью тестов за считанные мгновения. Тогда он сделал разворот и дал максимальную тягу в режиме двойного ускорения. И провалился в алую пропасть забвения...

Открыв глаза, понял, что «голем» летит над горной страной, пронзая ключья ослепительно белых облаков.

– Поворачивай! – сказал сквозь зубы координатору, пытаясь унять готовый выпрыгнуть из тела желудок. – Я сам не смогу. Поворачивай и давай «аллюр три креста», кому сказал!

Но ему ответил не Дар:

– Успокойся, опер. – Голос звучный и знакомый. – Все идет нормально, никто тебя не тронет, только не дергайся и не пори горячку.

– Кто говорит?

Смешок, тоже знакомый.

– Не узнал?

– Грехов!

Снова смешок.

– Порядок, оклемался.

«Голем», ведомый неизвестной силой, сделал пируэт и мягко приземлился на зеленом газоне рядом с красивым двухэтажным коттеджем, выстроенным в стиле «русский храм». На пороге открытой двери, выходящей на резное крыльцо, стоял человек в черном костюме, но Грехов это или нет, Ратибор сразу не разглядел – слезились глаза.

– Вылезай, здесь ни радиации, ни прочей грязи. – Голос проникал прямо в мозг, и от него, казалось, резонировали кости черепа. – Не трусь, опер, у тебя накопилось много вопросов, и я на них уполномочен ответить.

Ратибор позвал координатора, ответа не услышал, да и голос мешал и плывущий в ушах звон; выпростался из кресла, отдыхая после каждого движения. Сделал два глотка витаминного концентрата, набрался сил и вылез из аппарата на траву, сообразив тем не менее натянуть плечевой скафандр – автоматически, не думая об этом.

Человек махнул с крыльца рукой, хмыкнул:

– Профессионал остается профессионалом, даже когда болен. Заходи в дом.

Ратибор огляделся.

Вокруг дома раскинулся пышный цветущий сад: яблони, вишни, гигантская морковь, помидорное дерево, банановые пальмы, тополя, араукарии, орех, просто какие-то пушистые жерди, камни на многоходульных корнях, похожие издали на пауков, – все было покрыто ослепительно белыми цветами величиной с голову человека, причем многие цветы дышали и складывали лепестки, словно бабочки, готовые улететь. Небо над головой было лимонно-желтого цвета с серыми трещинами, складывающимися в рисунок такыра.

Глаза продолжали слезиться, и Ратибор перестал напрягать зрение. Ощущение опасности притупилось, захотелось принять душ, переодеться, лечь на диван и – максимум блаженства! – чтобы Настя сделала массаж...

– Насти здесь нет, – заметил человек.

– Жаль, – вздохнул Ратибор. – Как поется в старинной песне: всю-то я вселенную проехал, нигде милой не нашел.

Накатило вдруг странное ощущение раздвоенности, вернее, растроенности – Ратибор осознал себя в трех местах одновременно: стоял возле дома Грехова, сидел в пилотской гондоле «голема» по горло в шубе физиокомпенсации и лежал израненный на холме лицом вниз... Ратибор мотнул головой – отступило.

Как оказался в доме – не помнил. Он сидел в старинном деревянном кресле с резными подлокотниками, которое стояло на выскобленном до медвяного блеска светлом деревянном полу. Напротив в таком же кресле черной глыбой сидел кто-то очень знакомый и смотрел на гостя исподлобья. Железовский?!

Ратибор вытер глаза ладонью, мимолетно удивившись, что он без скафандра, разлепил веки и увидел знакомую физиономию Габриэля Грехова с ироничным прищуром глаз.

– У меня что-то со зрением, – пробормотал Ратибор. Попытался разглядеть комнату, однако не смог: стены ее терялись в струящемся полумраке, словно размытая акварель, и в этой размытости смутно угадывались какие-то щиты, светящиеся алым квадратные окна, ниши со звездным узором внутри, картины с непонятными композициями цветных пятен и застывшие тени, странные, живые и неживые одновременно.

– Это пройдет, – сказал Грехов, на секунду превращаясь в Железовского в тот момент, когда Ратибор на него не смотрел.

– Что это – импрессионизм? – кивнул Ратибор на картины.

– Это старинные иконы, изображающие Христа.

Берестов наконец разглядел одну из картин: прибитый к кресту человек в набедренной повязке распростерт над мрачной равниной с цепью озер¹⁰...

---

¹⁰ Картина С. Дали «Христос на кресте».

– Коллекционирование икон – ваше хобби?

– Не как факт религиозных устремлений, а скорее как тяга души к отражению реальности, ведь Христос тоже был одинок.

Ратибор с усилием разобрался в смысле сказанного, соображать, думать было исключительно тяжело, к тому же мучительно хотелось спать.

– Вы хотите сказать, что вы тоже одиноки?

Грехов-Железовский кивнул.

– И я тоже, но это не суть важно, в данном случае речь не обо мне.

– О ком же?

– О Конструкторе.

Ратибор вспомнил вдруг, что он посол, встрепенулся, но волна безразличия снова захлестнула сознание, топя в своей пучине чей-то настойчивый тревожный зов. Грехов что-то спрашивал, Ратибор что-то отвечал, погружаясь в сладостное забытие. Лишь временами накапывало знакомое ощущение многократного раздвоения личности. Самое интересное было в том, что и с закрытыми глазами Ратибор видел собеседника, который изредка превращался то в Железовского, то в К-мигранта Батиевского.

– К-мигранта! – прогрохотало в голове, отдаваясь эхом под сводами черепа. – К-мигранта, мигранта, гранта, анта...

– А где мои спутники? – спросил Ратибор, выдираясь из дремы. – Меня послали с роидом и К-мигрантом. Где они?

Грехов неопределенно махнул рукой.

– Где-то там, в запределье.

– Мне надо к ним... с ними... я как-никак посол. – Ратибор внезапно вспомнил, с какой целью и к кому был направлен послом, голова прояснилась, вернулась острота зрения, а с ней и способность оценивать обстановку. Сквозь гулы и свисты, рожденные фоном связи, донеслись чьи-то тягучие слова:

– Надо... бороться... – Гул, свист, хрипы, дребезжание, и снова: – На-до... бо-ро-ться...

Человек напротив шевельнулся. Грехов или нет?

– А ты сильнее, чем я думал, опер. – В голосе человека прозвучало уважение. – Маэстро Железовский не ошибся в тебе.

– К черту разглагольствования! Я уже понял, что вы не Грехов. К-мигрант? Один из «серых»? Впрочем, неважно, главное, что вы представляете Конструктора. Итак, я прибыл по назначению и нахожусь, очевидно, внутри него. Где остальные послы?

Человек напротив, похожий на Грехова, улыбнулся:

– Насчет роида сведений не имею, он – не тот, за кого вы, люди, его принимаете, точнее, он – не разумное существо, а область иного пространства со своими законами и константами, закапсулированная гравитацией, ну, а внутри его обитают и разумные существа. Что касается К-мигранта, – Грехов слегка нахмурился, прислушиваясь к чему-то, – он давно соединил свое «я» с «я» Конструктора, растворился в нем.

– И теперь Конструктор знает, что мы хотели его...

– Боюсь, что так. – Грехов развел руками. – Хотя вряд ли можно прогнозировать его дальнейшее поведение, ведь Конструктор – на самом деле бесконечно сложный объект, на много порядков сложнее известных вам информационно-физических систем. И контактирует с вами в настоящий момент не он, а... м-м... вторичный контур, так сказать, матрицированное отражение твоей психики в одной из мириад интеллектуальных ячеек, а сам Конструктор сейчас слишком занят, да и травмирован изрядно...

Снова наплыв ощущения, что он лежит на холме, лишил Ратибора воли к сопротивлению с продолжавшейся пси-атакой на мозг. Очнулся он от укола и долго приходил в себя, то

теряя собеседника из поля зрения, то видя на его месте чуткого монстра, полудракона-получеловека, – разыгралось воображение.

– Но если Конструктор без сознания, – начал Берестов через силу, – то как же он сможет разобраться в ситуации, выйдя в нашем пространстве? Через полгода он наткнется на Солнце...

– Он уже вышел, – грохочущим гулким голосом проговорил Грехов, превращаясь в глыбу чужанина. – Ваши действия – на вашей совести.

– Но мы не беремся за оружие, если нам не угрожают, – слабо возразил Ратибор. – А в данном случае под угрозой существование цивилизации!

– Просто вы не нашли другого выхода.

– Какого?

– Ищите. – Грехов исчез с ударом грома, потрясшего все тело пилота. Ратибор осознал себя лежащим в защитном коконе «голема» и услышал тонкий-тонкий всхлип координатора:

– Выплыл?

– Где мы? – вяло поинтересовался Ратибор.

– Все там же – внутри Конструктора. На всех диапазонах – белый шум, на вызовы не отвечает никто, в том числе и сам Конструктор.

– Я выходил из машины?

– Нет.

– Значит, встреча с проконсулом была наваждением.

– Скорее наведенной пси-передачей, мне удалось замерить ее основные параметры.

– Не ошибаешься? Если дело обстоит так, то нас заметили и пытались войти в контакт. Но кто? Сам Конструктор? Часть его интеллекта, ведающая связями с «пришельцами», или та часть, которая борется с загрязнением организма? Ведь мы для него, по сути, микробы, попавшие в тело.

– По-моему, ни то ни другое. В первом случае представитель Конструктора был слишком человечен, а во втором – если бы с нами пытались бороться, как с микробами, то для такого существа, как Конструктор, уничтожить нас – раз плюнуть.

– Тогда с нами пытались связаться другие послы: либо чужанин, либо К-мигрант... хотя лже-Грехов сказал мне, что К-мигрант «растворился» в Конструкторе.

На несколько секунд Ратибор потерял способность видеть и слышать, волна слабости прокатилась по телу, превратив его в слой ваты. Нить рассуждений потерялась в шуме расстроенных чувств.

– Что будем делать? – напомнил координатор.

– Попробуем прорваться наружу, если здесь нас никто не хочет встречать как послов. Я посплю, а ты выходи на режим «кенгуру» и держи направление, не сворачивай. Встретишь препятствие – разбудишь.

– Сон в данной ситуации опасен, – встревоженно предупредил Дар. – Мои арсеналы по реабилитации и поддержанию тонуса не бесконечны.

– Но и мои силы не беспредельны. Вперед, дружище!

«Голем» начал разгон, обходя неожиданно появляющиеся на пути препятствия: он шел не в пустом пространстве, а в среде с переменной структурой и не мог развить скорость более ста километров в секунду.

Ратибор спал, и ему снилось, что он на Земле, а Грехов с лицом свирепым и диким принимает у него экзамен по интрасенсорному восприятию.

– Закрой глаза, – приказывал Грехов.

Берестов послушно закрывал.

– Что видишь?

И Ратибор перечислял, что видит, восторгаясь и ужасаясь одновременно: он видел сквозь веки, в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах, чувствовал броуновское движение молекул, слышал, как течет кровь по мельчайшим сосудам, и ощущал звуки собственных работающих мышц!..

Очнулся от того, что по венам левой руки потекла горячая струя.

– По-моему, я слышу чей-то вызов, – доложил координатор.

– Что значит чей-то?

– Сигналы очень слабые, иногда пропадают, не дешифруются, но резко отличаются от фоновых.

– Как долго я пребывал в нирване?

– Час сорок две.

– Поворачивай.

– Уже иду по пеленгу, но скорость набрать не могу, мы не в открытом космосе. Здесь полно странных шатающихся объектов и болидных потоков – иной термин подобрать трудно, и бездна всякого рода полей, создающих интерференционную картину, причем устойчивую, типа стоячей волны.

Ратибор промолчал. Они находились в организме колоссального разумного существа со сверхсложной структурой, и этим все было сказано.

Комплексное действие короткого сна, лекарственных препаратов аптечки и волнового массажа наконец сказалось, и пилот почувствовал себя гораздо лучше, хотя изредка появлялись блуждающие по телу боли, перехватывающие дыхание, и нечеткие галлюцинации, повторяющие знакомые картины: он лежит на холме или сидит в деревянном кресле напротив псевдо-Грехова.

Прошел час, другой, по расчетам координатора, они преодолели около полумиллиона километров по сложному зигзагу – источник сигналов, отличных по информационному насыщению от фонового излучения, маневрировал, в широких пределах изменяя скорость. В диапазоне видимой части спектра почти ничего не было видно, кроме хороводов блуждающих огней, скоплений звезд-искр и туманных пятен, а локация в радиодиапазоне давала странную картину: «голем» прокладывал путь словно в мякоти арбуза, насыщенной «семечками» уплотнений. Точных характеристик этих уплотнений гравизондаж дать не мог, но было ясно, что столкновение с одним из «семечек» чревато непредсказуемыми последствиями, поэтому Ратибор вынужден был еще уменьшить скорость аппарата, понимая, что шансы догнать источник сигналов становятся равными нулю. Однако судьбе угодно было распорядиться шансами иначе – после особенно головокружительного изменения траектории источник остановился. Спустя еще час «голем» подобрался к одному из уплотнений – масконов, по терминологии координатора, возле которого продолжал ритмично «дышать» низкочастотным радиоизлучением загадочный объект.

Координатор в темпе пулеметной очереди перебрал диапазоны видения локаторов и остановился на мягком рентгене, в котором наконец удалось разглядеть, что же собой представляют «семечки» уплотнений. Ратибор изумленно причмокнул: перед ним в облаке серебристого тумана висела уменьшенная копия омеги Гиппарха, тех самых остатков звезды, по которой прошелся луч Большого Выстрела, – те же колоссальные кружева «мха», та же пенная структура в глубине сфероида и плоские диски на тонких ножках, уходящих в неведомую толщу верхнего слоя объекта, словно листья кувшинок на длинных стеблях.

– Диаметр сфероида – около пяти тысяч километров, – сообщил координатор, имевший полную информацию о стародавнем походе Берестова на омегу Гиппарха. – Ощущаю внутри него высокую концентрацию энергии, подходить ближе опасно.

– Сам вижу. Попробуй отстроиться от тумана, плохо видно.

– Это не туман, какой-то квантово-полевой эффект, пространство вокруг сфероида «мерцает», «пенится».

– А где тот приятель, сигналы которого мы запеленговали?

– По-видимому, вот он, даю вариацию.

Тонкая световая нить очертила часть поля зрения слева, как ее ощущал Ратибор, переместилась в центр, изображение в ней стало расти, укрупняться, уходя краями за световую нить, один из «листьев кувшинок» заполнил собой все поле зрения, и Ратибор увидел на его серо-мраморном фоне полупрозрачный шар. Впрочем, не полупрозрачный, а скорее зеркальный... или все-таки?.. Через несколько секунд стало ясно, что шар постоянно меняет плотность, то становясь прозрачным, то металлически твердым, то рыхлым и белым, как вата, и делает это в такт дыханию радиошума.

– Это не К-мигрант, – сказал Дар, – и не чужанин. Мо-гу предположить, что, судя по описаниям, это...

– Серый призрак! – прошептал Ратибор, ощущая головокружение. – Грехов встречался с ним... с таким же, как этот, не узнать его невозможно. А ну крутани программу контакта на всех волнах и последи за обстановкой, идем к нему.

«Голем» рванулся сквозь туман неизвестных физических реакций к сфероиду с мохообразным ландшафтом, в четверть часа преодолел стокилометровую толщу атмосферы с упругим сопротивлением среды и вышел точно над зонтичной структурой с шаром серого призрака, не обращавшего никакого внимания на земной аппарат с включенными передатчиками.

Серый призрак был невелик – шар диаметром в две сотни метров, но у Ратибора возникло такое чувство, что он видит перед собой разверзающуюся бездну, еще миг – и она его поглотит, засосет!..

– Пси-поле с широким спектром, – отреагировал координатор. – Эта штука излучает пси-поле, как целый город!

Какая-то черная тень упала на «голем», Ратибор невольно поднял голову, но никого не увидел, лишь через несколько мгновений понял, что внутри него сработало чувство опасности.

– Держись, уходим! – предупредил Дар, начиная выраж возвращения до того, как пилот понял, в чем дело. – Резко возрос волновой фон. Говорил же, что объект опасен...

Ландшафт под аппаратом заколебался, вспух и расплылся дымом.

Ратибор успел заметить, как серый призрак растянулся в ленту серебристого сияния, направляясь к «голему», после чего пилот и потерял сознание от тяжелого удара, причем не внешнего, а, как показалось, внутреннего, превратившего тело в надутый воздухом шар...

Человек был виден как сквозь струящееся марево – размытый нечеткий силуэт в ореоле свечения. Потом он перестал дрожать и расплываться, и Ратибор криво улыбнулся.

– Опять вы? Бред!

– Ни то ни другое, – невозмутимо ответил «Грехов».

Ратибор отметил про себя, но не придавал значения, что, когда собеседник говорит, лицо его выступает четко и рельефно, зато другие части тела становятся зыбкими и расплывчатыми.

– Кто же вы? Еще один посол? – Берестов невольно рассмеялся, заметив, что не слышит собственного смеха.

– В какой-то мере посол. – Собеседник никак не реагировал на смех, оставаясь вежливым и корректным. – Хотя то, что вы видите, – фантом, фигура для беседы. У меня мало времени, спрашивайте.

Ратибор вдруг вспомнил предыдущую ситуацию, и в сознании включился колокол тревоги.

– Вы серый призрак! Что случилось?! Мне показалось, что я налетел на скалу... или она на меня упала... до сих пор тело рыхлое!

– Вы слишком близко подошли к «нервному узлу» Конструктора, да еще в момент передачи «массивного нервного импульса». Я успел в последний момент.

– Что значит «массивного импульса»?

– Конструктор принадлежит к разумным системам с нулевой информационной энтропией, а эволюция подобных систем определяется уже не электромагнитными взаимодействиями, а гравитационными и даже совершенно экзотическими «суперструнными». Поэтому информпотоки внутри Конструктора энергетически мощны, «массивны», как говорят ваши ученые. – И масконы, то есть нервные узлы, перераспределяют эти потоки?

– Вы неплохо схватываете суть даже в сумеречном состоянии.

– Да, признаюсь, чувствую я себя скверно... однако это не главное, я, кажется, нашел способ выполнить свою миссию посла. Помогите мне... или посоветуйте, как избежать энергоудара вблизи маскона, я попытаюсь передать в узел всю записанную специально для Конструктора информацию. Может быть, он сможет воспринять хотя бы часть ее, это очень важно...

– Я в курсе ваших проблем. Конструктор же давно впитал все, что вы хотели сообщить, я имею в виду вас и К-мигранта, так что можете считать свою задачу выполненной. Единственное, на что я не могу дать ответ, – как и когда прореагирует Конструктор на эту информацию. Вы даже не представляете, насколько вы, люди, правы, назвав его бесконечно сложным объектом! Возвращайтесь.

– Как? – хотел спросить Ратибор, но голос сел.

«Грехов» внимательно взгляделся в него, хотя Берестов так и не разобрался – видит ли собеседника по видеоканалу рубки или изображение передается ему прямо в мозг, минуя глаза.

– Пожалуй, для вас это действительно проблема. И, честно говоря, вы меня приятно удивили: далеко не каждый человек способен работать за пределами человеческой выносливости, по крайней мере я знаю всего одного такого индивида – Габриэля Грехова.

– И я его знаю. Но вы ошибаетесь, многие мои товарищи способны работать в заповедье, выполняя свой долг. Извините, но мне почему-то кажется, будто мы с вами уже встречались недавно... разговаривали...

– Вы говорили не со мной, а, очевидно, с одним из своих пси-отражений в одной из интеллект-ячеек Конструктора... собратьев которого вы совершенно напрасно назвали Звездными Конструкторами: они не создавали ни звезд, ни галактик, они сделали только одну вещь – четырехмерный континуум, рассчитав эволюцию нашего галактического домена с точностью до нейтринного порога. Но и они всего предвидеть не смогли, в том числе и появления человека на заурядной пылинке материи под названием Земля. До встречи, опер.

– Погодите! – не сразу отреагировал Ратибор, с усилием переваривая услышанное. – Чего они не предвидели?

Но было уже поздно.

ДОРОГА К ДОМУ

Железовский проснулся от предчувствия, что он не один в комнате. Полежал с закрытыми глазами, чувствуя пространство квартиры, как свою кожу, но никого не увидел и не услышал. Подумал: нервы? Или проспал чей-то пси-вызов?

Встал, сделал несколько глотков травяного настоя, снова обнял всеми девятью органами чувств комнату и весь дом. Никого... Попробовал послать пси-импульс Забаве, но вспомнил, что она не на Земле, лишь когда не получил ответного нервного толчка. Собрался лечь снова, и в этот момент приглушенно зазвонил дверной автомат.

Сердце дало сбой – еще мгновение назад за дверью никого не было! Аристарх бросил взгляд на квадрат черного стекла в стене – зеленые звезды, все в порядке, свои. Во всяком случае, не К-мигрант. Скомандовал мысленно двери открыться.

В прихожую вошел Грехов, одетый в необычный серый с зеркальными блестками комбинезон, остановился в проеме двери в гостиную, разглядывая хозяина, стоявшего в одних плавающих. Железовский шевельнулся, и мышцы тела ожили на мгновение, подчеркнув чудовищный мускульный рельеф комиссара.

– Проходите, – пригласил Аристарх.

– Извините, что разбудил. – Грехов шагнул вперед, протягивая руку. – Рад видеть вас живым и здоровым.

Ладони их встретились, напряглись, причем рука проконсула полностью утонула в громадной ладони комиссара. С минуту оба сжимали ладони и пытались прочесть мысли друг друга, однако пси-блок у обоих был непроницаем.

– А с виду вы довольно субтильны, – проворчал Железовский, отпуская руку гостя, посмотрел на свою ладонь. – Я жму пятьсот с лишним, это больше, чем может выдержать кокосовый орех.

– Знаю. – Грехов быстро оглядел спартанское убранство комнаты, остановил взгляд на полупроницаемой двери в спальню. – Так и думал, что не страхуетесь.

– Какой смысл? Конструктор уже вылез в наш континуум из своего БВ, и о его судьбе К-мигранты могут не беспокоиться. Я им не страшен.

– Ошибаетесь, комиссар. Конструктор продолжает идти в прежнем направлении, а это значит, что система безопасности вынуждена будет снова заниматься проблемой его остановки, что, в свою очередь, означает новую вспышку активности К-мигрантов. Мне ли вам напоминать, что они проповедники имморализма¹¹ и какие последствия из этого вытекают?

Помолчали, стоя друг против друга совершенно неподвижно. Потом Железовский надел халат, сел, жестом указал на кресло.

– Аристарх, вам уже почти сто. – Грехов, поколебавшись, сел тоже. – Не пора ли сменить амплуа?

Железовский ответил спустя несколько минут:

– Пора, но у меня нет преемника... в настоящее время. Был... один.

– Берестов?

– Как вы считаете, он вернется?

Теперь надолго замолчал Грехов.

– У него есть шанс... если он выдержит пси-давление Конструктора. Я не все вижу в будущем, некоторые детали размыты вероятностными процессами, поэтому иногда приходится перестраховываться. С вами тоже.

– Что имеется в виду?

---

¹¹ Имморализм – отрицание всякой морали.

– Уходите из отдела. Передайте дела кому-то из лучших кобр сектора или комиссару-один и уходите.

– Не могу. Не имею права. Доводить дело до конца придется мне, и вы это хорошо знаете. Был бы Берестов, я бы еще подумал.

– Тогда хотя бы будьте осторожнее в следующие три дня, просчитывайте каждый свой шаг, а лучше подстрахуйте себя по императиву «ланспасад».

Железовский молча, не мигая, смотрел на Грехова. Тот кивнул.

– Вы поняли.

– Благодарю за предупреждение, но я редко расслабляюсь. Один вопрос: почему мне надо быть осторожным именно в ближайшие три дня?

Гость вытянул вперед руку ладонью вниз, ладонь налилась розовым свечением, которое вдруг стало собираться в капли, падающие вниз, как настоящая кровь. Пахнуло озоном. Грехов перевернул ладонь, свечение погасло. Проконсул легко и гибко встал, словно перелился из положения «сидя» в положение «стоя».

– Потому что, по представлениям К-мигрантов, вы олицетворяете реализующую решения человечества силу... что не так уж и далеко от истины. Вы опасны и подлежите нейтрализации в первую очередь. А резервы К-мигрантов изучены мало. Это все, что я хотел сказать. Прощайте. – Вышел.

– Спасибо, – низко, почти в инфразвуке, сказал Железовский ему вслед. Посидел немного, потом выключил свет в гостиной и вытянул руку вперед жестом Грехова – кончики пальцев засветились изнутри: свет был мягким, розово-фиолетовым и пульсировал в такт работе сердца.

Прогноз эфналитиков, выданный после включения системы МАВР, оправдался почти на сто процентов по всем боковым ветвям «дерева прогноза» и по главному «стволу»: Конструктор не ответил ни на один запрос, вызов и запуск доброй сотни программ связи с ним, никак не отреагировал на волновое и аппаратное зондирование, а потом на движение способом кенгуру, с каждым прыжком преодолевая расстояние около двух световых лет. Двигался он в том же направлении, что и раньше, – к Солнечной системе, и перед Советом безопасности снова встала во всей остроте проблема его остановки.

– Видимо, послы все-таки погибли при запуске чужанского генератора, – со вздохом проговорил председатель ВКС Хакан Рооб в беседе с Баренцем и Железовским, прибыв на спейсер погранслужбы «Перун». – В противном случае Берестов нашел бы способ известить нас о результате.

– Не уверен, – качнул седой головой Баренц. – Конструктор – дитя не нашего континуума, он пресапиенс, родичи его жили в эпоху, когда не было ни галактик, ни звезд, ни космического пространства, и законы, по которым он живет, это не наши физические законы, а законы К-физики, мы только приступили к их изучению. Вряд ли Берестову удастся пробиться наружу, к нам, из глубин Конструктора, если он... туда попал. И еще мы не знаем, с какой целью запустили своего посла чужане... плюс разрешили запустить К-мигранта.

– Как бы то ни было, предстоит решать, что делать, причем очень скоро.

– Все уже решено, – прогудел Железовский, одетый в кокос, превращавший его в металлическую статую атлета. – Нет смысла еще раз устраивать дискуссию на эту тему, альтернативы все равно нет. Т-конус готов к новому пуску, и если Конструктор не свернет с дороги...

– Да, – кивнул Баренц, подождав продолжения. – По-видимому, это единственное правильное решение, жесткое, чудовищное, но верное. И кто знает, может быть, Конструктору и не повредит нестандартный бросок по «струне», может, он уцелеет.

– Забава Боянова требует включения «экстремума», – сказал Хакан Рооб, морща пергамент лица. – СЭКОН принял решение подготовить общественное мнение на тот случай, если Т-конус не справится с Конструктором.

– Тогда экстремобилизация станет реальностью.

– Вы не представляете, о чем говорите, – проговорил Железовский тяжело. – Включение «экстремума» потребует разрушения базы цивилизаций! Допустим, мы уйдем из Системы, успеем переселиться, уж не знаю, какой ценой, ну а если Конструктор остановится сам?! То есть не столкнется с Солнцем, минует его? Что тогда? Откуда мы знаем, что ему нужно, почему он так упорно целит в Солнце? И знаете, что меня смущает больше всего?

– Что он, возможно, травмирован, находится «без сознания», так сказать, поэтому и не отвечает на сигналы.

– И это тоже, но в первую очередь меня смущает поведение Габриэля Грехова. Он знает, что будет, и уверен, что Т-конус не понадобится... да и экстремобилизация тоже.

– Да, Грехов персона таинственная, – улыбнулся одними губами Хакан Рооб. – Ходят слухи, что он тоже преследует свои цели, каким-то образом связанные с Конструктором, и я не удивлюсь, если это окажется правдой. Вот бы вашему отделу проверить.

– Отдел безопасности не занимается слухами, – угрюмо пробасил комиссар-два. – В действиях Грехова нет компромата. Что касается организации дальнейшей работы, то у меня нет вопросов, равно как и сомнений: если Конструктор не остановится, Т-конус должен быть включен. Секунда нон датур.

В каюте отдыха, где они разговаривали, вспыхнул виом, из которого выглянул встревоженный Шадрин.

– Аристарх, зайдите в отсек двадцать три, есть новости.

– Извините. – Железовский кивнул и исчез, словно превратился в бесплотную тень, дверь пропустила его беззвучно.

Баренц и Рооб переглянулись.

– Ему тяжело, – сказал председатель ВКС, – но держится великолепно. Кто в секторе может его заменить в случае... э-э?

– Он готовил Берестова. Другой такой кандидатуры нет, хотя пара способных ребят найдется. Да и в наземном секторе у Юнусова есть надежные парни, и в погранслужбе.

– Всех их надо готовить, все-таки специфика работы в космосекторе иная, а мы с тобой уже не потянем. Как говорит старая пословица: беда и время щадят только бога. Ну, что... – Рооб не договорил, в каюту заглянула Боянова, тонкая и стройная в своем неизменном белом комбинезоне. Она торопилась.

– Простите, патриархи, у вас тут был Аристарх, куда он ушел?

– В отсек двадцать три, – ответил Баренц. – Не хочешь... – Последнее слово повисло в воздухе, Боянова исчезла, как и Железовский до нее.

Баренц пожал плечами, собираясь продолжить разговор, но перед ними возник вдруг тот, о ком они говорили, – проконсул Габриэль Грехов собственной персоной.

– Где он?!

– Если Аристарх, то в двадцать третьем, а если... погодите! – Баренц взмахнул рукой, словно пытаясь удержать гостя, но тот уже пропал. – Что случилось?

Ответом был резкий двухтональный вопль сирены тревоги.

Двадцать третий отсек, располагавшийся рядом с отсеком метро, представлял собой походную мастерскую по срочному ремонту недублированного оборудования, в состав которой наряду с компьютером входил еще и бокс ручной подгонки с полным набором инструмента. На памяти Железовского еще ни разу этот отсек на спейсерах не был использован ни пограничниками, ни научными экспедициями, вполне хватало того потенциала, которым изначально обладали машины для преодоления пространства, несмотря на возникающие иногда аварийные

ситуации и непредвиденные обстоятельства. Мастерская на «Перуне» также практически не открывалась за время эксплуатации спейсера, и Аристарх никогда не вспомнил бы о ее существовании, если бы не вызов бывшего зама Берестова, ставшего командиром обоймы риска.

Шадрин он увидел сразу, как только вошел, хотя света в отсеке не было: безопасник лежал ничком на полу у выходной потерны линии доставки, неловко подвернув руку. В следующее мгновение на голову комиссара обрушился жесткий парализующий удар пси-поля, и если бы он не обладал интуитивным видением и развитым чувством опасности, все закончилось бы печально, но защитные силы организма, мобилизованные интуицией, сработали безошибочно. Отразив удар, Железовский не раздумывая прыгнул к полуоткрытой дверце одного из шкафов с инструментом, мгновенно включившись в ритм жизни, недоступный неинтрасенсу. Опасность была повсюду, она разлилась по отсеку, словно вода из прорвавшейся канализации, ориентироваться пришлось уже в действии, на ощупь, и прошло целых полсекунды с момента его появления, когда наконец Аристарх определил, где находится противник.

В то место, где он только что стоял, с гулом ударил невидимый кулак гравитационного разряда.

– Bravo, комиссар! – раздался отчетливый пси-голос. – Реакция у тебя превосходная, и тем не менее...

– Стойте! – ответил Железовский мысленно. – Вы слишком много говорите, в этом одна из причин ваших поражений. Посмотрите на мою руку.

– Вижу, это «универсал-101».

– Ошибаетесь, это полевой аннигилятор «шукра». Я пробью насквозь весь корабль... вместе с вами, разумеется. И реакция у меня не хуже. Уходите, пока не подоспела обойма «ланспасад», ваша жизнь нам не нужна.

– Зато мне нужна твоя, комиссар, и задание должно быть выполнено.

– Слова, слова. Или стреляйте, или уходите, но успею выстрелить и я. Что вы сделали с ним? – Железовский кивнул на лежащего Шадрина.

– Он пока жив. А тебя, оказывается, наши аналитики недооценили и дали неполную информацию. И все же задание будет выполнено.

– Уничтожив меня, вы все равно ничего не добьетесь, просто на моем месте будет работать другой человек, и не исключено – более энергичный.

К-мигрант выстрелил, но за мгновение до выстрела Железовский переместился на несколько метров в сторону, не открывая огонь в ответ. Многотонный удар гравиразряда, сконцентрированный в невидимую «пулю» размером с голову человека, пришелся на стол, решетку и колонну манипулятора, сплющив и разгладив их в ровную дорожку.

– Идиоты! – выговорил Аристарх, продолжая двигаться бесшумно и быстро, резко меняя направление, высоту прыжков и положение тела; руки и лицо его в темноте засветились изнутри розовато-малиновым светом. – Неужели вам недостает элементарного интеллекта, чтобы сообразить – благородные цели не могут быть достигнуты негодными методами! Неужели опыт цивилизации, ее история ничего вам не подсказали, если вы продолжаете играть в старые детские игры с засадами, выстрелами из-за угла, планами завоевания плацдармов и прочей белибердой? Неужели еще не ясно, что мы как профессионалы в эти игры обучены играть специально, дабы ни у кого не возникло желания реставрировать прошлое?

Выстрел – с грохотом разлетелся купол вакуум-камеры. Еще один – рухнула крайняя стойка, поддерживающая монорельс над сборочным столом. Последний выстрел задел ложемент мастера и колонну инка, разлетевшуюся фонтаном ослепительных искр, а потом Железовский достал-таки стрелявшего и вырвал у него пистолет. Весь разговор и схватка длились не более полутора минут.

Противники застыли друг против друга, и только теперь Аристарх с опозданием определил, что перед ним не К-мигрант. В то же мгновение в отсеке вспыхнул свет, одев сгорбив-

шегоя напротив комиссара «серого человека» в серебристый ореол, в потерну проскользнула Боянова, и в голове Железовского взорвался ее отчаянный пси-крик:

– Аристарх!

Он успел только прыгнуть – не группируясь, рефлекторно, не собрав силы и волю, просто чтобы не стоять на месте, успев лишь с сожалением подумать: поздно!

Выстрел, бесшумный и неяркий, раздался со стороны высунутой из стены мульты транспортера – К-мигрант прятался там, и на сей раз это был точный лазерный импульс, пронзивший плечо Железовского. Комиссар выстрелил в ответ, не целясь, еще в падении, и ему на краткий миг удалось дезориентировать нападавшего: штриховая очередь лазерных импульсов чуть в стороне, в то время как молния аннигилятора проделала в стене рядом с челюстями транспортера широкий огненный пролом. И в действие вмешались еще двое: Забава Боянова, открывшая огонь из «универсала» в направлении неведомого врага, и Габриэль Грехов, сбивший ее с ног и тем самым спасший от новой очереди. Двигался проконсул так быстро, что даже Аристарх, успев сориентироваться и справиться с болью, с трудом улавливал па его странного танца – бега-атаки. Стрельбы Грехов не открывал, хотя и держал в руке пистолет.

Лазерные импульсы прекратились, мультда транспортера упряталась в стену, с шипением сработали замки грузовой капсулы, и автомат швырнул ее в трубу отправки. Взвыла сирена тревоги, в отсек вбежали безопасники группы подстраховки, остановились. Грехов выбежал, едва не сбив с ног оперативника. Боянова, держась за шею, и Железовский, поддерживая руку, поднялись с пола, глядя друг на друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.